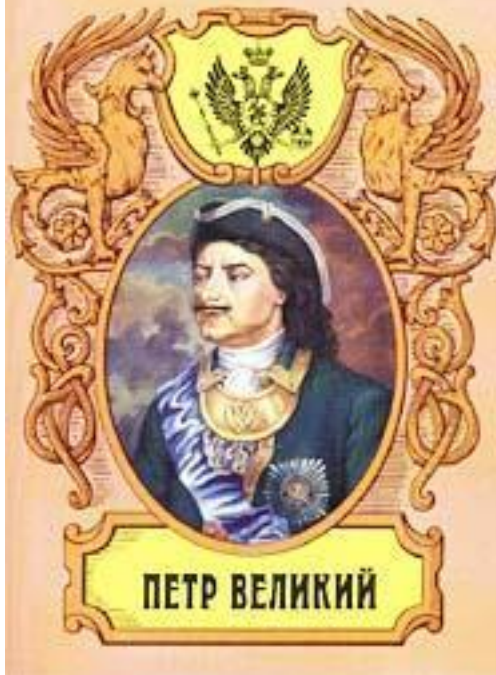

РОМАНОВЫ

ПЕТР ВЕЛИКИЙ

Казимир Валишевский

Петр Великий

«Public Domain»

«Автор»

1897

Валишевский К. Ф.

Петр Великий / К. Ф. Валишевский — «Public Domain»,
«Автор», 1897

Казимир Валишевский (1849–1935) – широко известный ученый: историк, экономист, социолог. Учился в Варшаве и Париже, в 1875–1884 гг. преподавал в Кракове, с 1885 г. постоянно жил и работал во Франции. В 1929 г. «за большой вклад в современную историографию» был отмечен наградой французской Академии наук. Автор ряда книг по истории России, среди которых наиболее известными являются «Петр Великий» (1897), «Дочь Петра Великого» (1900), «Иван Грозный» (1904), «Сын Екатерины Великой» (1910), «Екатерина Великая» (1934). Несмотря на то, что многие оценки и выводы Валишевского сегодня могут показаться спорными, «Петр Великий», безусловно, заинтересует всех любителей отечественной истории, в первую очередь благодаря огромному количеству малоизвестного фактического материала, собранного и изложенного в книге.

© Валишевский К. Ф., 1897

© Public Domain, 1897

© Автор, 1897

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	7
КНИГА ПЕРВАЯ	7
Глава 1. Кремль и немецкая слобода	7
Глава 2	14
Глава 3	24
КНИГА ВТОРАЯ	30
Глава 1	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Казимир Валишевский

Петр Великий

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Соразмеряй силы с предприятием, а не предприятие с силами». Этим смелым советом, данным одним поэтом-соотечественником, мне пришлось руководиться при задаче, взятой на себя, в качестве историка. Как трудно подступиться к человеку, занимающему такое выдающееся место в истории русского народа и оставившему такой неизгладимый след на всем его существовании.

Вот почему я подошел к нему так поздно, поднимаясь от ближайшего времени к более отдаленному, и только после великой наследницы перешел к создателю наследства.

Сумел ли я схватить своим взглядом то, что обнимал своим взором ты – бронзовый гигант, спускающийся иногда – как говорят поэты – в белые петербургские ночи со своего гранитного пьедестала и победоносно скачущий, не зная усталости, как при жизни, по заснувшему городу? Великий призрак, двести лет посещающий, как страшный, но всем близкий дух, те места, где ты жил, нашел ли я то заклинание, которое возвращает голос привидениям и из праха прошедших времен воссоздает вокруг них былую жизнь?

Я переживал отошедшие в вечность часы; мне казалось, что вокруг меня оживали все лица и вещи, наполнявшие их. Я осязал чудеса волшебного царствования, воочию видел осуществление сказки о пшеничном зерне, которое моментально прорастает и превращается в растение в горсти индийского йога. И я говорил с человеком, совершившим это чудо – может быть с единственным в своем роде, какого знал мир.

Наполеон всего лишь величайший из французов – или итальянцев, по мнению некоторых историков, – но он не Италия, не Франция. Петр – это вся Россия; ее плоть и дух, характер и гений, воплощение всех ее добродетелей и пороков. При разнообразии своих способностей, громадности усилий и страстности, он кажется существом собирательным. И этим он велик, этим он выделяется из рядов бледных умерших, которых спасают от забвения наши слабые исторические воспоминания. Не приходится употреблять усилий, чтобы вызвать его тень – он всегда тут. Он пережил себя; он вечен; он как бы жив и теперь; облик мира, извлеченного им из ничтожества, мог измениться в некоторых чертах, но принцип остался неизменным. Тут несоизмеримая сила, три века действовавшая вопреки всем расчетам и превратившая ничтожное владение Ивана в наследие Александров и Николаев, в империю, превышающую своим протяжением и численностью населения все государства, когда-либо известные Европе, Африке и Азии, империи Александра и Римскую, империю калифов и современную нам Британскую со всеми ее колониями. И эта сила называлась некогда Петром Великим. Она переменяла имя, но не изменила характера. Это душа великого народа, но также душа великого человека, в котором как бы воплотилась мысль и воля миллионов существ. Эта душа вся в Петре, и он весь в ней; и ее-то я желал заставить затрепетать на этих страницах.

Конечно, не только с помощью одного своего воображения. Я взял у документов – этого единственного ключа, способного открыть нам двери, ежечасно запирающиеся за нами – все, что они могли дать мне. В своей честности я уверен. Может случиться, что она вызовет удивление, разочарование или даже неудовольствие. Но я прошу своих русских читателей взвесить свои впечатления. Надо всегда иметь мужество смотреть прямо в глаза действительности и своему прошлому, а для русских это нетрудно.

Кроме того, я прошу всех своих читателей не заблуждаться относительно цели, которую я имел в виду. Занятый собиранием материалов для биографии национального героя, Пушкин

намеревался воздвигнуть ему памятник, который нельзя было бы перемещать с места на место. Неподвижность образцового произведения Фальконета как будто возбуждала неудовольствие. Забота и стремления поэта, общие большинству моих предшественников, даже вне России, мне были совершенно чужды. Петр, уже и без меня, имеет памятник, по-моему, наиболее достойный его. И воздвигли его не Пушкин и не скульптор-француз. Над тем памятником, о котором я говорю, он сам работал своими мозолистыми руками, и его наследники будут работать еще долго. Сибирская дорога прибавила к нему еще один камень, который послужит к его украшению и укреплению.

Моя цель совершенно иная. Взоры всего мира устремлены, полные симпатий с одной стороны, и недоверия или враждебности – с другой, на это вместилище душевной и физической энергий, неожиданно открытое между старой Европой, уставшей жить, и старой Азией, утомленной своим бездействием. Что это? Пропасть, куда суждено кануть обычным судьбам? Или источник вечной юности? Наклонившись над обоими берегами, толпы смотрят в напряженном внимании, вглядываясь в глубину, зондируя ее. Я только даю разъяснение общему любопытству и напряженному ожиданию. Это разъяснение почерпнуто, как я уже сказал, из истории, но также и из современной жизни. Петр Великий не умер. Взгляните! Может быть, настал час? Заря утра, которое принесет нам неизвестно что, появляется на горизонте, на широкой реке клубится туман, как бы окутывающий призраки! Слышите! Не топот ли коня раздается по мостовой тихих улиц?..

Валишевский.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ВОСПИТАНИЕ

КНИГА ПЕРВАЯ ИЗ АЗИИ В ЕВРОПУ

Глава 1. Кремль и немецкая слобода

I

етр Алексеевич родился 30 мая 1672 года, – в 7180 году по принятому в то время летоисчислению. За два с половиной года до этого события старый Кремль был свидетелем странного зрелища: из самых разнообразных мест, дворцов, изб и монастырей было привезено в Кремль несколько сот самых красивых девушек. Там, размещенные в шести комнатах, приготовленных для них, они, как и все московские женщины той эпохи, проводили время однообразно и празднично, коротая его рукоделиями, песнями да сказками. Потом наступал вечер, который заставлял их забывать длинные часы скуки, тоски и нетерпения и переживать приятное волнение ожидания и надежды. На пороге их комнаты, превращавшейся на ночь в спальню, появлялись мужчины; двое из них приближались к узким кроватям, где спали прекрасные девушки, рассматривали их, не стесняясь, обменивались многозначительными взглядами и жестами; один из этих мужчин был царь Алексей Михайлович, другой – доктор, помогавший ему выбирать между этими незнакомками супругу, которая «способна дать усладу государю», которую он сделает на другой день великой княжной, а затем и царицей России, будь она даже дочерью последнего крепостного. Это был старый обычай, заимствованный из Византии по соображениям высшей политики, а отчасти и по необходимости. Иван Васильевич (Великий, 1435–1505) тщетно пытался выбрать невесту для своего сына между иностранными принцессами. Он получил унижительный отказ и от короля датского, и от бранденбургского маркграфа. Царь не хотел породниться с русскими князьями, которые были его соседями и соперниками; поэтому он велел привезти в Москву пятьсот девушек. Великокняжеский венец должен был достаться раз уж не самой знатной, то самой красивой. Век спустя царь Михаил Федорович попытался возобновить сватовство за границей, но также потерпел неудачу. Датский король не хотел даже принять московских посланцев. С тех пор обычай установился окончательно. На бояр и их жен возлагалась обязанность осматривать девушек, отозвавшихся на призыв царя. Осмотр был очень тщательный и строгий, и даже самые интимные части тела не ускользали от него. Вследствие такого подбора, царю представлялись настоящие красавицы.

Иногда, впрочем, этот обычай совершался только для вида, как например в 1670 году. На этот раз красавицы напрасно расточали свое кокетство. Выбор царя был сделан до их прибытия. В 1667 году царю Алексею Михайловичу было 38 лет, когда умерла его первая жена из рода Милославских, подарившая ему шесть сыновей и восемь дочерей. Трое из этих сыновей умерли; оставшееся в живых Федор и Иван были болезненны; царю было необходимо жениться снова. Увидя в доме Артамона Сергеевича Матвеева красивую брюнетку, которую он принял за дочь своего любимого советника, он решил окончательно. Это была воспитанница Матвеева, Наталия Кирилловна Нарышкина, которую отец, бедный и мелкий дворянин, отдал на

попечение влиятельного и богатого боярина. Появление красавицы Наталии перед царем не могло бы произойти в обыкновенном московском доме, хранившем старинные местные обычаи. Там девушка оставалась бы за непроницаемой дверью своего терема. Но дом Матвеева отличался в этом отношении от других. Артамон был женат на иностранке из рода Гамильтон. Английская революция разгромила много семей, приверженных Иакову, и многие из них нашли себе приют в негостеприимных широтах отдаленного варварского государства. Алексей был очень милостив к этим иностранцам, и сам Матвеев приобрел почет при дворе, благодаря дружбе с одним из них. Близость к иностранцам развила его; он много читал, имел библиотеку, физический кабинет и маленькую химическую лабораторию. Наталия садилась за стол вместе со своими приемными родителями и даже с гостями. Алексей объявил, что он берет на себя найти ей жениха, который не посмотрит на то, что она бесприданница, а затем объявил о своем намерении жениться на ней. Артамон Сергеевич больше испугался, чем обрадовался предложению. Его положение, как царского любимца, создало ему немало врагов.

Род Матвеевых не был знатным, но, несмотря на это, Артамон Сергеевич занимал высокое положение, был начальником многочисленных приказов: иностранных дел, финансов и дворцового, командовал стрельцами, стоял во главе управления Малороссии, Казани и Астрахани. Он просил только сохранить внешние приличия, и Наталья должна была появиться в спальне Кремля.

Все обычаи были с точностью соблюдены; даже дяде одной из красавиц пришлось поведаться с царским судом за его старания обманным образом выдвинуть свою племянницу: его подвергли пытке, дыбе и наказали кнутом.

Свадьба состоялась 22 января 1671 года, а 30 мая (12 июня) 1672 года Наталья Кирилловна родила сына. В этот же день Людовик XIV, глядевший на свою армию, переходившую Рейн под предводительством Кондэ и Тюренна, послужил для Буало сюжетом его знаменитого послания; и в тот же день турецкая армия, переходя Днепр, заходила в тыл империи и протягивала руку великому королю. Но Москва не обратила внимания на эти события, занятая празднествами в честь новорожденного царевича. Европейская политика не доходила сюда.

Место, где родился величайший человек России, остается до сих пор неизвестным. В московском ли Кремле? Во дворце ли села Коломенского, названного русским Вифлеемом? Может быть, в Измайлове? На этот счет нет ни одного точного указания. Физически и духовно Петр совсем не походил на своих старших братьев и сестер, слабых и хилых, как Иван и Федор, как и сама царевна Софья. Да мог ли Алексей, подтачиваемый смертельной болезнью, передать сыну такое изобилие сил, богатырский рост и железную мускулатуру? Кто же тогда? Немец-хирург, заменивший своим сыном девочку, родившуюся у Натальи? Придворный – Тихон Никитич Стрешнев, человек скромного происхождения, недавно возвысившийся благодаря женитьбе Михаила Романова на красавице Евдокии?

Как-то, Петр, опьяненный винными парами, захотел доискаться истины. «Этот по крайней мере», воскликнул он, указывая на Ивана Мусина-Пушкина, «знает, что он сын моего отца. Чей сын я? Не твой ли, Тихон Стрешнев? Не бойся, говори, говори, а то удушью тебя...»

«Батюшка, смилуйся. Я не знаю, что отвечать... Я был не один...»

Чего только не рассказывали!

Со смертью Алексея (1674) началось смутное время, создавшее грозное, деспотичное кровавое правление Петра. С первых же дней Петр сделался героем драмы и главой оппозиции. Еще тело Алексея не успело остыть, как уже началась ожесточенная борьба двух партий, Милославских и Нарышкиных, которых Алексей возвысил своей двукратной женитьбой.

Нарышкины приписывали свое происхождение знамени тому чешскому роду Narisci, владевшему Эгрой. Историк Мюллер предполагает, что родоначальником их был татарин Нарыш, живший при дворе Ивана Васильевича (1463). Последняя версия кажется более правдоподобной. Милославские происходили из старинного литовского рода Корсак, расположен-

ного на территории Польши. Свергнутые и потерявшие свое влияние из-за Нарышкиных, они чувствовали себя вдвойне оскорбленными и униженными. Отец Натальи, Кирилл Полиевктович, в несколько лет сделался самым богатым во всем государстве, имел чин думного дворянина и окольного.

Колокольный звон на похоронах Алексея послужил сигналом для мести. В продолжение 13 лет вся Россия, тесно связанная с судьбой обеих партий, переживала кровавую борьбу за власть.

Матвеев, побежденный в первой же схватке, открыл собою целый ряд жертв. Заключенный в тюрьму, перенесший целый ряд пыток, он едет в ссылку в Пустозерск на Ледовитом океане, где едва не умирает с голоду. Наталью одно время намеревались заключить в монастырь; но затем сослали ее и ее сына в Преображенское, около Москвы, где у Алексея был дом.

При таких обстоятельствах Петр покинул Кремль, куда ему пришлось возвратиться на непродолжительное время, чтобы пережить там тяжелые испытания и оскорбления, присутствовать при избиении своих приверженцев, при падении государственной власти, при своем собственном поражении. Петр возненавидел Кремль, и даже победителем и самодержцем он не забыл свою злобу и отвернулся от него. Этот разрыв есть символ всей жизни и дела Петра.

II

Теперешний Кремль с его скученными постройками без определенного стиля и характера мало напоминает жилище Алексея Михайловича конца семнадцатого века. После пожаров 1701 и 1737 года и перестройки 1752 остались лишь следы своеобразного итальянского возрождения, ввезенного в конце пятнадцатого века дочерью одного Палеолога, воспитанной в Риме – следы гения Фьораванти, Солари, Фрязинов, боровшихся с обычным для Москвы византийским стилем. Некоторые церкви, части дворца и наружная стена, с кирпичными башнями, напоминающими часовых, походят скорее на укрепленный лагерь, чем на царское жилище. Только церковь Василия Блаженного, находящаяся за стеной Кремля, на Красной площади, живо напоминает картину исчезнувшего прошлого. Внутри было такое же смешение немецкой, готической, индийской, византийской и итальянской архитектур, такая же запутанность в постройках, как бы втиснутых одна в другую наподобие китайской головоломки. То же изобилие украшений, та же пестрота форм и красок, странных, безумных, как плоды фантастического бреда, как следствие плохо усвоенного пластического идеала. Узкие комнаты с низкими сводами, темные коридоры, мерцание лампад в темноте, расписанные охрой и киноварью стены, железные решетки на всех окнах, вооруженные люди у всех дверей; везде толпа солдат и монахов...

Дворец прилегает к церкви и монастырю и мало от них отличается. Царь на своем троне походит на мощи, лежащие неподалеку в раке. С одного конца до другого этого странного скопления духовных и светских зданий, из-за толстых стен домов, соборов и монастырей доносятся глухие звуки, сливающиеся в одну общую гармонию; монотонное чтение священников в церквях, песни запертых в теремах женщин, отзвук оргии, тайно совершающейся в каком-нибудь углу дворца, или громкий крик пытаемого в тюрьме заключенного. Но тишина царит над всем; все говорят шепотом, все едят осторожно, все наблюдают друг за другом. Это внутренность гробниц, гарема и тюрьмы. Кремль, таким образом, не представляет собой жилище исключительно царя. Вся Россия концентрируется там – Россия странная, существующая уже десять веков, но все еще наивная, хотя и имеющая за собой долгое историческое прошлое; Россия, отделенная от соседней Европы, которая игнорировала ее, несмотря на то, что в ее жилах текла чистая европейская кровь, что в ее летописях были традиции, а также и одинаковые судьбы, одинаковое счастье и несчастье, победы и поражения. В IX и X веках, когда первые короли Франции, Карл Толстый и Людовик Заика, с трудом защищали свои сокровища

от норманнских хищников, другие морские короли высаживались на берег Балтийского моря. Там норманн Хрольф отнимал у Карла побережье, названное именем его народа; тут в обширной равнине, простирающейся от Балтийского моря до Черного, редко населенной финнами и славянами, норманны Рюрик и его товарищи основывали государство.

Полтора века спустя на трех окраинах Европы три другие героя победоносно устанавливают свою власть: в Италии дом Хотвилль, при Роберте Гвискаре, в Англии – Вильгельм, в России – Ярослав.

Но это еще не Московская Русь. Москва еще не существует. Столица Ярослава – в Киеве. Потомки Рюрика поддерживают связь с Грецией, Италией, Польшей и Германией. Византия им дает монахов, ученых и священников. Италия и Германия – архитекторов и ремесленников, купцов и элементарное знание римского права. Приблизительно около 1000 года Владимир – в былинах «Красное Солнышко» – издает закон, по которому все бояре должны были посылать своих детей в школы, устроенные им при церквях; он прокладывает дороги, и устанавливает в церквях меры веса и длины. Его сын Ярослав (1015–1054) чеканит монету, строит дворцы, украшает площади своей столицы греческими и римскими статуями и пишет свод законов. Пять картин, сохранившихся в Ватикане под названием коллекции Каппони, представляют собой образчики своеобразного русского искусства, которое процветало в Киеве в двенадцатом веке,¹ картины эти несколько не ниже лучших произведений одного из основных в то время итальянских художников – Andrea Ricodi Candia. Эти начатки культуры не были единичными в Киеве: в 1170 году в Смоленске князь Роман Ростиславович занимается науками, устраивает библиотеки, школы и семинарии, где обучают классическим языкам.

По всей России, от Дона до Карпат, от Волги до Двины, завязываются торговые сношения с югом и с севером Европы. Новгород первенствует на Балтийском море; в Киеве пестрые толпы купцов, норманнов, славян, венгерцев, венецианцев, генуэзцев, немцев, арабов и евреев наполняют улицы своими лавками и всевозможными продуктами. В 1028 году там насчитывают 12 рынков. Киевские князья не принуждены брать себе жен в теремах своих подданных. Ярослав женился на дочери шведского короля Олафа Ингигерде; он выдал свою сестру за короля Польши Казимира; один из его сыновей, Всеволод, взял себе в жены дочь византийского императора Константина Мономаха, другой, Вячеслав, графиню де Стад, Игорь – Кунегунду, графиню Орламюнде. Его старшая дочь Елизавета вышла замуж за норвежского короля Гарольда; третья, Анастасия, за венгерского короля Андрея I. В 1048 году три епископа: Готье де Мо, Госселеф де Шалиньяр и Роже де Шалон отправились в Киев просить руки второй дочери царя, Анны, для французского короля Генриха I.

К середине тринадцатого века все это рухнуло, исчезло бесследно. Россия не была тогда прочным государством, которое могло бы выдержать сильные удары судьбы. Хотя владельцы Киева, Новгорода и Смоленска, Рюриковичи, соединяли в себе, наряду с воинственными инстинктами, замечательные организаторские способности, они носили на себе печать своего происхождения: буйный дух беспорядка, только со временем смягчившийся под влиянием нравов просвещенного общества и законов организованного государства. Но они не успели окрепнуть. В 1224 году появление монгольских орд Батыя нанесло им непоправимый удар. К этому времени – к началу двенадцатого столетия – после попытки объединить Россию в княжение Владимира Мономаха, среди шестидесяти князей, живших между Волгой и Бугом, происходила непрестанная борьба из-за власти и первенства. Батый и внук Чингиз-хана заставили их объединиться.

Под копытами тысяч коней исчезают три века усиленного труда и попыток к цивилизации. От той древней России, заимствовавшей так много у Европы, но несколько не поте-

¹ Эта коллекция есть дар Петра Великого графу Каппони в благодарность за его участие при составлении торгового договора с Генуей.

рявшей вследствие этого своего национального своеобразия, благодаря быстрому поглощению местным населением малочисленного норманского элемента, не остается почти ничего. В следующем столетии, в 1319 и 1340 годах, Киев и прилегающие к нему страны становятся добычей литовских князей, будущих королей Польши. После Гедимина, Ягелло соединил под своим скипетром все остатки эфемерного государства Мономахов, Червонную Русь, Белую и Малую, – «вся Россия», по выражению, сохранившемуся с того времени. Но он присоединил пустыню. Казалось, что история Рюриковичей прекратилась.

Но она продолжается на востоке того огромного пространства, предназначенного самой судьбой для многочисленного народа и создания неведомого будущего. В верхнем бассейне Волги, на берегах реки Москвы, среди редко населенного финского народа небольшое село становится с двенадцатого века жилищем и уделом одного из потомков Рюрика. Много раз уничтоженное во время беспрестанных войн с соседними князьями, почти стертое с лица земли татарским нашествием, оно поднималось снова, разрасталось и к началу XIV века стало центром торговли между норманнами, славянами и финнами. Смирясь под игом монголов, оно сумело извлечь выгоду из победителя, отдав ему роль внутренней полиции и внешней охраны. Действуя смиренно, терпеливо и ловко, оно брало на себя роль посредника между победителями и побежденными народами, которые соглашались на это: одним это было полезно, другим необходимо. Оно брало на себя унижительную роль сборщика податей для общего повелителя, роль полицейского и, если того требовали обстоятельства, не гнушалось даже быть и палачом. Оно подвигалось таким образом все вперед, расширяясь, укрепляя шаг за шагом завоеванный авторитет и полученное за заслуги главенство, до того долгожданного дня, когда почувствовало себя достаточно сильным, чтобы порвать оскорбительный договор, послуживший ему средством для возвышения.

Это продолжалось около двух веков, в течение которых соседние князья Переяславля, Рязани, Владимира, Углича, Галича, Ростова, Ярославля и Суздаля делались один за другим сперва вассалами, а затем и простыми подданными, боярами, необыкновенно усилившегося московского князя. В это же время монгольская гегемония, благодаря междоусобицам, стала ослабевать.

Наконец, приблизительно в 1480 году, время испытания, казалось, закончилось, и вся Европа, удивленная, узнала, что между ней и Азией существует новое государство, князь которого провозгласил свою независимость. Он прогнал Золотую Орду за пределы огромного пространства, подчиненного его власти, завоевал Новгород и Тверь; женился на греческой княжне, жившей в Риме, и сделал гербом двуглавого орла. Этот князь назывался Иваном, и его народ дал ему имя «Ивана Великого».

Но это была уже не Киевская Русь, и кроме происхождения самого царя, у нее не было ничего общего с могуществом и славой Ярослава и Владимира. Европа ничем не была представлена в этом новом государстве. Хотя московский великий князь и назывался царем «вся России», но на самом деле земли, которые он считал своими, принадлежали еще Польше. Монгольское течение оставило на славянской земле, как толстый слой ила, все, что оно имело в себе прочного: характер правления, нравы и склонности, но не оставило никакой культуры. Кроме традиций византийско-русской церкви, охранявшейся греческими священниками и монахами, государство и общество, которые понемногу соорганизовались под вековой опекой преемников Батыея, были главным образом азиатским и варварским. Феодализм, крестовые походы, рыцарство, учение римского права, – вся та высшая школа, в которой сформировалось умственное и моральное единство Запада, вся та великая борьба между мощью духа и временной властью, из которой родились иные свободы, остались чужды России.

Московская метрополия, основанная в 1325 или 1381 гг., не захотела признать унию с Римом, выработанную на флорентийском соборе, принятую Киевским митрополитом, и

порвала таким образом с Западом. Папа сначала проклял ее, но потом, наскучив спорами с этим восточным расколом, предал его полному забвению.

Несмотря на всё, семена культуры произрастали, пробивая, хотя и медленно, толстую, азиатскую кору. Они приносились постоянно из Европы и главным образом через Польшу, через литовских князей, бывших когда-то русскими.

Прежде чем укрыться у своих соседей, Курбский переписывался с Чарторыйскими, оставшимися русскими и православными с головы до ног.

Возвратившись из Польши после удачного похода, Иван привез оттуда первую печатню, которую когда-либо видала Москва. Победа Новгорода (1475) привела в соприкосновение новое московское государство с Ганзой.

В 1553 году англичанами было открыто устье Двины, где в скором времени вырос Архангельск и завязалась торговля в северных морях. Но вот снова надвинулось нашествие, а с ним новая борьба за существование. К счастью оно шло с другой стороны. То был отлив из Европы. Польская армия тащила в своих фургонах все, что имело отношение к папскому Риму: иезуитов и бернардинцев, католическую пропаганду и схоластику. За учеными, красноречивыми и хитрыми иезуитами следовали элегантные и утонченные лже-цари польского происхождения. Двор Димитрия и Марины Мнишек содержался наподобие двора Сигизмунда. Польская светская музыка проникла в православные обряды. Даже в дни национальной победы и возрождения Москвы чувствовалось влияние Польши и Запада. Завладев вновь Киевом, войска царя Алексея не нашли уже там следа прежнего блеска, но все же больше, чем в опустошенной Москве: несколько школ, основанных поляками, печатню, которая могла бы заменить прежнюю, но которую сейчас же предали анафеме и уничтожили; духовную греко-латинскую академию – целую маленькую сокровищницу цивилизации.

III

С этой эпохи Москве был открыт прямой путь в Европу. Если Петр, изгнанный из Кремля враждебной политической партией, выброшенный, так сказать, на улицу, не пожалел о родном гнезде, то только потому, что нашел в близком соседстве иной, более привлекательный очаг. Присоединяя Новгород, этот республиканский и непокорный город, Иван поставил себе целью искоренить его буйный дух. Он решил переселить десять тысяч семей. В России сохранили секрет административных государственных переворотов, способных расшевелить целые народы. Новгородские изгнанники приехали в Москву, а на их места послали покорных и надежных подданных, наказанных таким образом за свою верность. Между переселенными в Москву находились ганзейцы, которые основали первую иностранную колонию на берегу Москвы. Но народ решил, что присутствие этих иностранцев оскверняло город. В своем патриотизме москвичи, да и вся Россия, считали этот город святым. Поэтому немцам, т. е. людям, не говорящим на местном языке, следовательно немым, было отведено место наподобие еврейского квартала в Риме, за воротами, замыкавшими столицу в северо-восточной ее части, между Басманной и Покровкой, где находится в настоящее время лютеранская церковь, на грязных берегах маленького притока Москвы – Яузы. В XVI веке царь Василий поместил там свою гвардию, состоявшую из поляков, литовцев и немцев.

Преемники Василия не довольствовались одними солдатами-иностранцами, они выписывали себе из-за границы ремесленников, художников и учителей. В любопытной книге Аделунга есть гравюра, показывающая вид предместья, где жили все эти эмигранты. Это было селение с деревянными домами, наскоро выстроенными из бревен, покрытых корой, с обширными огородами, окружавшими жилища. Этот вид быстро менялся, также как и само население. При Алексее от Немецкой слободы осталось только ее название в память первых ее обитателей германского происхождения. При нем же первое место занимают англичане и шот-

ландцы. Между последними, вследствие изгнания сторонников Кромвеля из Англии, встречаются люди высокого происхождения: Друммоны, Гамильтоны, Дальзиели, Кроуфорды, Граамы, Лесли, а позднее Гордоны. Французов в то время еще нет. Их боятся, как католиков и янсенистов. Исключение составляют только приверженцы короля Иакова, которые, как изгнанники, кажутся безопасными. Позже, с отменой нантского эдикта, это доверие распространяется и на подданных христианнейшего короля. – Якобиты жили отдельно; они не были ни ремесленниками, ни купцами, но много содействовали процветанию слободы; своим происхождением и воспитанием они внушали уважение москвичам. Профессии купцов, учителей, врачей, аптекарей, ремесленников и художников принадлежали в то время голландцам. Немецкий контингент, примешивавшийся к ним, был самого лучшего качества. Те и другие приносили туда свои национальные добродетели: дух предприимчивости и постоянства, благочестия и семейственности, общее стремление к законности и порядку, домашнему миру и плодотворному труду. Немцы имели двух лютеранских пасторов, голландцы одного пастора-кальвиниста; но в соседстве с варварами все религиозные споры затихли; в слободе царил свобода; только католикам запрещалось иметь священника. Школ было много. Шотландец Патрик Гордон следил за работами лондонского *Royal Society*. Английские дамы выписывали целыми тюками романы и стихотворения национальных писателей, и велась оживленная корреспонденция со всей Европой. В немецких собраниях устраивались скромные развлечения, танец «гросфатер» считался проявлением самого большого веселия. Был театр, где Алексей слышал в первый раз Орфея. Значительную роль в колонии играла политика; члены дипломатического корпуса: англичане, голландцы, датчане, шведы, – последние тоже входившие в состав слободы, – представляли там интересы протестантских держав. Голландский резидент Ван Келлер, богатый, образованный, осторожный и ловкий, занимал особое положение, перед которым преклонялись сами москвичи. Отправляя сам каждый день огромную корреспонденцию, он получал все новости Запада, заставлявшие трепетать всю слободу при известиях, касавшихся европейской политической жизни.

Немецкий путешественник Таннер, посетивший слободу в 1678 году, вынес оттуда очень хорошее впечатление; о чем свидетельствует также гравюра начала восемнадцатого века: Слобода казалась совсем изменившейся. С ее кирпичными комфортабельными домами, цветниками, прямыми аллеями, фонтанами на площадях, она представляла такой контраст с остальными русскими городами, не исключая и Москвы, что это поражало Петра. Несмотря на влияние и соседство Польши, которая была, так сказать, преддверием Европы, Москва осталась в общем такой же, какой ее сделали три века азиатского рабства. Некоторые признаки указывали все же на начало знакомства с интеллектуальным миром Запада.

Появились люди, снявшие смешной византийско-татарский наряд, имевшие новые идеи, новые намерения, в которых намечалась целая программа реформ, более обширных, чем исполненная впоследствии Петром.² Занималась новая заря. К сожалению, все эти нарождающиеся идеи разделял сравнительно небольшой круг избранного общества. Царь Алексей не выкалывал уже глаз художникам, как его предшественник Иван, чтобы помешать им воспроизводить их создания искусства в другом месте, но когда Михаил вознамерился пригласить к себе на службу знаменитого Олеария, при дворе и в городе поднялся целый бунт. Бунтовщики грозили утопить колдуна. На обеде у одного знатного иностранца русские вельможи, не стесняясь, набивали себе карманы разными яствами, к немалому удивлению хозяина.

Изгнание поляков и лже-царей нисколько не изменило Кремль, и Петр перед своим изгнанием оттуда не видел никого, кроме лиц свиты, окружавшей его по дороге в церковь или в баню, куда он шел между двумя рядами карликов, несших занавесы из красной материи, так что домашнее заключение продолжалось и на улице. Ребенок задыхался в такой атмосфере. В

² Этот взгляд довел некоторых историков до парадоксальных преувеличений.

Преображенском он вздохнул свободно. Однажды, предоставленный самому себе, он попал на берег Яузы и в первый раз увидел Слободу. Он не хотел больше от нее удаляться, а, наоборот, звал туда всю Россию. Но его ждали еще тяжелые минуты окончательной борьбы с азиатским режимом.

IV

Федор, старший сын и наследник Алексея, умер в 1682 году бездетным. Кто же должен был наследовать ему? Со смерти последнего Рюриковича в 1598 году престол захватывался почти все время силой. Борис Годунов достиг его посредством целого ряда убийств; Димитрий – благодаря польским штыкам; Василий Шуйский был обязан своим избранием одним боярам, и наконец – Михаил Романов – народу. При этом последнем избрании было выработано нечто вроде династического права; но, несмотря на это, при восшествии на престол Алексею пришлось прибегнуть к всеобщему голосованию.

Один из младших братьев Федора, Иван, сын Милославской, которому в то время исполнилось 15 лет, был почти слепой и наполовину идиот. В письме, адресованном в 1684 году министрам Людовика XIV, говорится о болезни век царевича, благодаря чему он не может видеть, если их не поднимать искусственно. И бояре единогласно высказывались за избрание Петра, сына Нарышкиной, который был моложе своего брата на десять лет. Им противно было, говорили они, превращать свои обязанности в занятия сиделок. Вероятно также, что их привлекал более ранний возраст Петра, благодаря чему предвиделось более продолжительное междуцарствие, и власть должна была сохраниться в руках бояр на более долгое время.

Они привлекли на свою сторону бояр, присутствовавших при последних минутах Алексея, и патриарха Иоакима, соборовавшего его. В России, как в Польше, глава церкви пользовался временной властью во время междуцарствия. В 1598 году, например, патриарх Иов решил победу Годунова. Во всяком случае, на этот раз избрание Петра было незаконно. Речь, сказанная «всяких чинов людям», случайно собравшимся в Кремле; призыв к голосованию, приведший к одобрению; появление импровизированных избирателей на Красном крыльце перед народом, привлеченном туда тревожными событиями; имя, брошенное в эту толпу – и дело было сделано: у России появился царь, которого звали Петром.

Об Иване не было сказано ни слова; оправдания этому нарушению закона и наследственных прав не было никаких. То была просто победа Нарышкиных над Милославскими, достигнутыми врасплох и лишенными возможности защищаться, благодаря быстроте и неожиданности развязки. Но это было кратковременное торжество; оно продолжалось всего месяц. На другой день после своего поражения побежденная сторона снова выходит на сцену, а за ней неожиданно появляются два новых политических фактора, которые изменяют весь внешний вид борьбы: царевна Софья и стрельцы.

Глава 2 Царевна Софья

I

У Алексея осталось пять дочерей, но имя только одной из них, Софьи, сохранилось в истории. Софья была родной сестрой Ивана, и ей шел уже двадцать шестой год. Я упомянул о ее красоте: некоторые историки во главе с Сумароковым и даже иностранцы, такие как Штра-ленберг и Перри, утверждают, что она была красива, но ни один из них не видел царевны.

Свидетельство франко-польского дипломата Ла-Невиля, заслуживает большего доверия. Оно нарушает поэзию; но что делать? «Уродливое тело непомерной толщины, широкая, как котел, голова, покрытое волосами лицо и шишки на ногах». Вот его свидетельство. Историк Костомаров старается смягчить краски: «Некрасивая на взгляд иностранцев, Софья могла казаться привлекательной москвичам того времени, которые не считали тучность недостатком». Монах Медведев, доверенный царевны и преданный ей человек, красноречиво молчит о ее наружности и упорно превозносит ее душевные качества. Но в одном согласны все, не исключая и Ла-Невиля. «Насколько ее тело было коротко, широко и грубо, настолько же тонок и развит был ее политический ум; не читав никогда Макиавелли и не учившись, она от природы владела всеми его правилами».

До 1682 года жизнь Софьи была такою же, как жизнь всех русских девушек того времени, но усложненная по ее положению еще большими, почти монастырскими строгостями. Кремлевский терем превосходил все остальные в этом отношении: одиночество, строгое и мелочное исполнение обрядов, частые посты. Патриарх и самые ближние родственники были единственными посторонними посетителями терема. Даже врач допускался только в случаях очень серьезной болезни. Когда он входил, ставни затворялись, и он мог щупать пульс больной только через какую-нибудь ткань. Потайные ходы вели из терема в церковь, где царица и царевны скрывались за неизбежными красными занавесями от любопытства остальных молящихся. В 1674 году, сворачивая в один из внутренних дворов дворца, два молодых дворянина, Бутурлин и Дашков, случайно встретили карету, в которой царица отправлялась на богомолье в монастырь. Этот случай чуть не стоил им головы. Последовал строгий допрос в застенке. Место царевен не указывалось ни при одном торжестве, которые нарушали ужасное однообразие подчиненной неизменному и строгому этикету жизни всех остальных членов царской семьи и придворных. Они появлялись только на похоронах, следуя за гробом непременно в непроницаемых фатах. Народ знал о них только по именам, произносимых на ектениях; а они, в свою очередь, ничего не знали, кроме того узкого круга, в котором они были замкнуты судьбой. Не имея возможности выйти замуж ни за простого смертного, благодаря своему высокому положению, ни за иностранного принца, благодаря своей религии, они не должны были знать ни любви, ни брака, ни материнства. Таков был закон. Не нарушая этих строгих правил, Софья не могла бы сыграть роль, в которой она вскоре появляется. Петр был провозглашен царем 27 апреля; 23-го следующего месяца стрельцы уничтожили его единовластие, присоединив к нему Ивана. Все свидетельства истории указывают на Софью, как на непосредственную вдохновительницу, даже как на главное действующее лицо этого государственного переворота.

Кремлевский терем должен был находиться под непосредственным влиянием византийских идей, – смеси аскетизма и интриг, наполнявших жизнь восточной Римской империи.

У изголовья умирающего брата Софья и ее сестры напоминали Пульхерию, дочь Аркадия, захватившую в свои руки власть во время царствования малолетнего Феодосия, а, затем, после его смерти царствовавшую при помощи Марция, начальника императорской гвардии. Софья без сомнения видела в Кремле другие мужские лица, кроме патриарха и своих ближайших родственников Милославских, энергичных, но ограниченных людей. Прикованный надолго к постели Федор нуждался в женском уходе. Среди близких ему лиц находился человек, который посоветовал ему нарушить правила терема и найти себе сиделку, указав при этом на Софью. Это был Василий Голицын, человек интересный во многих отношениях – личность выдающаяся. Он проявляет сильнее, чем Матвеев, в более выдающихся чертах ту нравственную и умственную эволюцию, которую потом может быть преувеличивали, но которая без сомнения предшествовала появлению великого реформатора и подготовила почву для его дела. Он является одним из тех передовых людей (Морозов, Ордынский, Нашокин, патриарх Никон), которые уже в предыдущие царствования предвещали новые времена и эру преобразований. В продолжение нескольких лет, он принимал участие в государственных делах; при его

содействии произошла отмена местничества, – обычая чисто азиатского, согласно которому ни один из подданных царя не мог занимать по отношению к другому места более низкого, чем то, которое занимал хотя бы только несколько дней его предок по отношению к предку другого. Этот обычай был непреодолимым препятствием для целесообразного подбора способных людей и неиссякаемым источником споров, которые делали непроизводительными действия правительства. Голицын задумал учредить постоянную армию. По словам Ла-Невиля, его мечты шли даже дальше попыток Петра: он хотел освободить крестьян и сделать их собственниками, цивилизовать Сибирь и пересечь ее почтовыми дорогами. Отец Аврелий, задержанный в Москве и не допущенный в Китай в эпоху полновластия будущего регента, несмотря на это воздает должное его либеральному уму. На его решение повлияли остальные бояре из ненависти к католицизму. Голицын бегло говорил и изысканно писал по-латыни; посещал Немецкую слободу, где у него были близкие друзья, принимал у себя шотландца Гордона и лечился у врача-немца Блументроста; грек Спафарий, один из близких ему людей, занимавший благодаря ему видное положение в Посольском приказе, был вполне современным дипломатом и космополитом, объездившим всю Европу и побывавшим даже в Китае. Он составлял планы навигации по большим рекам Азии и переписывался с бургомистром Амстердама Витценом. Голицын жил во дворце, который ничем не отличался от европейских аристократических жилищ; имел ценную мебель, гобелены, картины и большие зеркала. В его библиотеке были латинские, польские и немецкие книги; у него же оказалась рукопись серба Крыжанича, апостола реформ, вдохновившего Петра. Голицын приказал построить в Москве три тысячи домов и первый в Москве каменный мост, построенный по плану польского монаха. Он был страстным поклонником Франции, и сын его носил на себе портрет Людовика XIV. Его падение, последовавшее за воцарением Петра, совершенно искренне принимается Ла-Невилем за гибель культурных начинаний. Но Голицын был еще очень сильно привязан к тому, что он хотел разрушить. Он не был свободен от суеверия. Он пытал крестьянина, который был заподозрен в том, что хотел напустить на него порчу. Его обвиняли впоследствии в том, что, желая угодить Софье, он клал «для прилюбления» в кушанья, подносимые царевне, разные травы и коренья, данные ему одним человеком, но велел сжечь этого человека.

Василий Васильевич Голицын родился в 1643 году. Ему было 39 лет, когда болезнь Федора сблизила его с Софьей. Он был женат и имел взрослых детей.

С ним вместе у изголовья умирающего появился и Симеон Полоцкий, человек очень образованный для своего времени, Сильвестр Медведев, ученый монах, библиограф и придворный поэт, и Хованский, военный, – любимец стрельцов. Таким образом формировалась политическая группа, члены которой уже раньше собирались и сговаривались втайне. Медведев был душой этой партии; но Голицын занимал в ней первое место: любовь Софьи давала ему в руки власть. Царевне было тогда 25 лет, но Ла-Невиль давал ей целых сорок. С ее горячей страстной натурой она еще не жила, и ее мысль и сердце, проснувшиеся разом, заставили ее броситься в жизнь без расчета, без страха и всецело отдаться потоку, который должен был унести ее. Влюбившись, она стала честолюбивой и совершенно естественно присоединяла к своим честолюбивым мечтаниям человека, без которого успех ни имел бы прелести. Она влекла его к высокой цели, которую они должны были достигнуть вдвоем. А он, по-видимому, был застенчивым, неуверенным и нерешительным человеком, легко приходившим в уныние. Он отступил бы, может быть, в решительную минуту, если бы не Медведев и не Хованский. Медведев электризовал свою партию, вдыхал в нее свою страсть, свою боевую лихорадку. Хованский передал в ее руки страшное орудие, в котором она нуждалась для своих целей.

II

Создание Ивана Грозного и его товарища по оружию Адашева, стрельцы, имели за собой недолгое прошлое и уже омраченную славу; свободные люди, потомственные солдаты, они составляли среди всеобщего рабства привилегированную военную касту, приобрели в силу этих привилегий важность, превышавшую их значение и заслуги. Государство давало им поместье, обмундировку и жалованье даже в мирное время, тогда как другие свободные люди были принуждены служить без жалованья и за собственный счет даже во время войны. У них была своя администрация и свой начальник, который всегда назначался из знатных бояр. В мирное время они исполняли обязанности уличной полиции, несли караульную и разведочную службу и служили почетной стражей, а также тушили пожары. Избранный «полк стремянных» сопровождал царя на всех выездах за город. Во время войны они составляли передовой отряд и ядро его войска. В Москве было двадцать таких полков, от 800 – 1000 человек в каждом, отличавшихся цветом своей одежды, красными, синими и зелеными кафтанами с широкими красными поясами, желтыми сапогами и бархатными шапками, опушенными мехом. В провинции также было несколько таких полков. Так как их служба оставляла им много свободного времени, то они занимались ремеслами и торговлей; они легко богатели, потому, что не платили ни пошлин, ни налогов. Случалось нередко, что зажиточные граждане Москвы испрашивали милости быть зачисленными в ряды стрельцов, которые не легко допускали в свою среду посторонних. В свое время Борис Годунов был им обязан своими победами над татарами. В царствовании Михаила они взяли в плен Марину Мнишек и Заруцкого, ее последнего приверженца; в царствование Алексея отняли у поляков Смоленск, при Федоре защищали Чигирин от турок. Во время продолжительных внешних и внутренних неурядиц 17-го столетия они всегда были на стороне законной власти, победили восставшего казака Разина и спасли монархию. Но эта смутная эпоха дурно повлияла на них и внесла в их ряды дух непослушания, а праздная жизнь окончательно испортила их. Естественные защитники порядка, они с некоторых пор стали действовать заодно с мятежниками всякого рода и поднимали восстания, которые были обычным делом для людей низших сословий, возмущенных алчностью чиновников и их злоупотреблениями. Возведение Петра на престол также подготовлялось в этом распушенном обществе расстроенного государства. Стрельцы, вовсе не имевшие причины жаловаться, кричали громче всех. Ближайшее будущее показало, что они были очень посредственными солдатами, но очень опасными крикунами, а тревожное время превратило их в кроважанных бандитов.

Признаки тревоги проявлялись у них еще до кончины Федора. Стрельцы полка Семена Грибоедова восстали против своего начальника, обвиняя его во взяточничестве: он брал себе их жалованье и заставлял работать по воскресеньям на постройке загородной дачи. Благодаря ослабевшей власти, переходившей от умирающего царя к малолетним наследникам, возмущение это широко распространилось. Овладев властью, Нарышкины застали уже шестнадцать возмущившихся полков. Не зная, что делать, они вызвали Матвеева, творца их величия, и в ожидании этого спасителя выдавали начальников. К ним применялся «правеж», как к несостоятельным должникам. Перед собравшимися войсками обвиненных начальников били батогами по икрам до тех пор, пока они не отдавали все свое имущество, собранное хищениями, действительными или предполагаемыми. пытка продолжалась несколько часов. Дисциплина была убита, и разнузданный зверь, проснувшийся в рядах этих диких преторианцев, ждал только добычи, чтобы броситься на нее и вонзить в нее свои когти. Софья и ее советчики указали им на Нарышкиных.

Восстание было подготовлено и организовано быстро, при барабанном бое и с циничной откровенностью. Дядя царевны Софьи, Иван Милославский, объявленный впоследствии

главным зачинщиком и преследуемый до самой смерти неукротимым гневом Петра, усиленно хлопотал, агитируя и передавая ложные известия. Пустили слух, что Нарышкины отравили Федора, что они мучат старшего брата Петра, лишённого престола царевича, что один из них хочет даже завладеть престолом; говорили, будто Нарышкин в сопровождении вооружённых людей преследовал жену одного стрельца. Одна из подруг Софьи, Феодора Родиница, пробиравась в кварталы стрельцов, разнося всюду деньги и обещания.

Все ждали приезда Матвеева: это было условным знаком. Подученные стрельцы радостно встретили своего старого начальника и усыпили его подозрения. 11 мая 1682 года депутация от двадцати полков поднесла ему хлеб-соль, «меду на кончике ножа», как сказал впоследствии сын несчастного старика, приговоренного уже к смерти. Четыре дня спустя во всех кварталах забила тревогу, все двадцать полков взялись за оружие и осадили Кремль. На этот раз стрельцы сняли свои пестрые кафтаны, оделись в красные рубахи, с засученными до локтя рукавами, указывая таким образом на дело, за которое они принимались; это были уже не солдаты, а судьи и палачи. Опынев от водки и готовясь опьянеть еще больше от крови, они кричали и дико размахивали своими саблями.

Они думали или притворялись, что думали, будто Петр и Иван зарезаны, и хотели отомстить за их смерть. Им показали с верха красного крыльца здоровых и невредимых царя и царевича; их старались успокоить; но они уже ничего не слышали и никого не узнавали. Они громко кричали: «Смерть убийцам!» Начальник их приказа, старик Долгорукий, вышел на крыльцо, чтобы призвать их к порядку. В ту же минуту несколько человек устремились на старика и сбросили его вниз, а другие, поднимая пики, кричали: «любо! любо!» И резня началась.

Она длилась три дня. Извлекаемые один за другим из дворца, соседних домов и даже церквей, друзья и родственники Натальи, Матвеев и Нарышкины, разделили участь Долгорукого. Некоторых мучили, тащили за волосы по площади, били кнутами, жгли раскаленным железом и рубили на куски саблями. Наталья отчаянно боролась, расставаясь со своим любимым братом Иваном, но ему пришлось-таки выйти к стрельцам, по совету старого князя Одоевского, и спасти остальных своей смертью. Причастившись в одной из церквей Кремля, он вышел к стрельцам с иконой, которая мгновенно была вырвана у него из рук, и он исчез в море ярости и крови, продолжавшем бушевать у стен старого дворца. Оно кипело и разливалось по соседним улицам, охватывая частные дома и общественные здания, везде разыскивая предполагаемых сообщников мнимого преступления, убивая и грабя всех. Мятежники бросились даже на архивы, как бы желая придать движению общенародный характер. Говорят, будто они хотели уничтожить документы, относящиеся к учреждению крепостного права.

Некоторые историки стараются снять всю ответственность с Софьи. Но это утверждение грешит против очевидности. Никогда еще случай так хорошо не подтверждал изречение: *Is fecit cut prodest!* (Сделал тот, кому было надо.) В эти кровавые дни горя и несчастий, торжествовала одна Софья. Она крепко держала в руках движение и могла остановить его, когда хотела. Одному неизвестному до тех пор лицу, Циклеру, поручено было усмирить стрельцов и остановить резню. Он блестяще выполнил поручение и на другой же день очутился среди самых близких царевне людей. Высокие посты были распределены между вчерашними друзьями и родней: Хаванскими, Милославскими и Василием Голицыным. Начался дележ добычи, и Софья, конечно, взяла свою долю. Петр был покамест оставлен царем, но она была назначена правительницей и не собиралась останавливаться на этом. Стрельцы за свои труды получили по 10 рублей на душу. Они надеялись, что имущество их жертв будет разделено между ними, но действительность не вполне оправдала их надежды: им только было предоставлено преимущество перед другими покупателями во время распродажи конфискованного имущества убитых. Их ласкали, потому что в них еще нуждались. 23 мая они снова появились у стен Кремля, требуя провозглашения царем Ивана. И царская власть была разделена между братьями. В то время говорили много о блестящих примерах фараона и Иосифа, Аркадия и Гонория, Васи-

лия и Константина, но забывали Михаила и Филарета, двойное правление которых оставило по себе дурные воспоминания.

Но и этого партии Софье было мало. Она хотела, чтобы Иван, больной идиот, имел первенствующий титул. Новое восстание, новые мнимые выборы. На этот раз Софья окончательно сбросила маску: когда Иван был провозглашен первым царем, она устроила для мятежников пир, и сама угощала их. Их руки еще были красны от крови, а она уж опять давала им вина. И они отблагодарили ее тем, что потребовали для нее титула правительницы.

III

И вот Софья на вершине своей славы. Но стремясь к власти ценой стольких преступлений, она хотела наслаждаться ею только вместе с избранником своего сердца. Все было покорно ей, а она хотела, чтобы он повелевал. Настоящим хозяином России в последовавшие 10 лет и действительным правителем был Василий Голицын.

Как политическая честность царевны, так и ее добродетель нашли себе среди историков горячих защитников. Но влюбленная царевна сама снабжает нас неоспоримыми документами. Прошло пять лет. Она царствовала в Кремле, а он заканчивал в Крыму неудачную кампанию, где по ее мнению, стяжал себе лавры. В ожидании его скорого возвращения она писала ему:

«Свет мой, батюшка, надежда моя, здравствуй на многие лета! Зело мне сей день радостен, что Господь Бог прославил имя свое Святое, также и Матери Своей, пресвятой Богородицы, над вами, свете мой! Чего от века не слыхано, ни отцы наши поведали нам такого милосердия Божия. Не хуже Израильских людей вас Бог извел из земли Египетския: тогда чрез Моисея, угодника Своего, а ныне чрез тебя, душа моя. Слава Богу нашему, помиловавшему нас чрез тебя! Батюшка мой, чем платить за такие твои труды непочетные? Радость моя, свет очей моих? Мне не верится, сердце мое! Чтобы тебя, свет мой, видеть. Велик бы мне день тот был, когда ты, душа моя, ко мне будешь. Если бы мне возможно было, я бы единым днем тебя поставила перед собой. Письма твои, врученные Богу, к нам все дошли в целости, из-под Перекопу, из Каирки чрез сеунщиков, и с Московки; все приходили в приметные времена. Из-под Перекопу пришли отписки в пяток к 11 числа. Я брела пеша, из Воздвиженского: только подхожу к монастырю Сергия чудотворца, к самым святым воротам, а от вас отписки о боях. Я не помню, как взошла; чла идучи! Не ведаю, чем Его, Света, благодарить, за такую милость Его, и Матерь Его, пресвятую Богородицу и преподобного Сергия, чудотворца милостивого.

Сеунщик Змеов к нам еще не бывал. Что ты, батюшка мой, пишешь о посылке в монастыри, все то исполнила: по всем монастырям бродила сама, пеша. А с отпуском пошлю к вам вскоре Василия Нарбекова. А золотые не поспели, не прикручиньтесь. За тем вас держать жаль. Тотчас поспеют, тотчас пришлю. А деньги собираю; стрельцам готовы; тотчас соберу, тотчас пришлю. Скажи им, будут присланы. А раденье твое, душа моя, делами оказывается. Почты от нас свет мой, посланы три, четвертый Шошин. Порадей, батюшка мой, чтоб его окупить или на размену отдать. Что пишешь, батюшка мой, чтоб я помолилась: Бог, свет мой, ведает, как желаю тебя, душа моя, видеть, и надеюсь на милосердие Божие: велит мне тебя видеть, надежда моя. Как сам пишешь о ратных людях, так и учини? А я, батюшка мой, здорова твоими молитвами и все мы здоровы. Когда, даст Бог, увижу тебя, свете мой, о всем своем житье скажу. И вы, свет мой, не стойте, подите помалу: и так вы утрудились. Чем вам платить за такую надежную службу, наипаче всех твои света моего, труды? Если бы ты так не трудился, никто так не сделал».

По мнению Ла-Невиля, Софья не задумалась бы наградить своего героя так, как он того заслуживал, если бы одно препятствие не сдерживало порывов ее благодарности. Этим препятствием была жена Василия Голицына, с которой он, к сожалению, не хотел расставаться. «Он был честный человек, и у него было большое состояние и дети, бывшие дороже тех, кото-

рых ему дарила царевна. Он любил ее только за то, что она возвысила его. „Между тем“, – продолжает хроникер, – „Софья, с чисто женской хитростью, убедил Голлицына, чтобы он уговорил жену идти в монастырь, вследствие чего, по религии москвитян, муж, оправдываемый силой своего темперамента, не позволявшего ему вести холостую жизнь, получал разрешение снова жениться. Когда добрая женщина дала на это свое согласие, царевна уже не сомневалась в успехе“.

Но она упустила из виду другое препятствие, которое внезапно встало между ней и осуществлением ее высших желаний.

IV

Среди ужасных волнений, которые не раз колебали на его молодом челе венец Ивана Грозного и мелькали перед его глазами кровавыми призраками, сын Натальи Нарышкиной играл, конечно, только роль пассивной жертвы. Предания говорят нам о его храбрости, удивлявшей свет, о неустранимости перед убийцами, которых он заставил отступить огнем своего взгляда, о его раннем развитии, далеко оставлявшем за собой удалство Пико делла Мирандолы. Рассказывают, будто бы он трех лет командовал полком и отдавал рапорт отцу; в 11 лет под руководством шотландца Мензиеса углублялся в тайны военного искусства и высказывал новые и оригинальные мысли и взгляды. Я придаю большое значение преданиям, но оставляю за собой право опровергать те из них, которые кажутся мне неверными.

Поэтому, я утверждаю, напротив, что физическое и умственное развитие великого человека совершалось очень медленно. Этот колосс с трудом становился на ноги. В три года у него была еще кормилица, а в 11 лет он не умел ни читать, ни писать. Его детская стратегия и его «Петров полк», о которых историк говорит в довольно интересном этюде, наивны и притом недостоверны. Даже в более позднем возрасте Петр не проявлял никакой храбрости. Он был для этого слишком нервным и впечатлительным. Его первые дебюты на жизненном поприще, которое ему суждено было наполнить шумом своей славы, вовсе не были геройскими. Смелость и знание пришли к нему позже: он добился их своей волей, закаленной в испытаниях. Ужас и отчаяние, которые он пережил в детстве, наложили на его характер неизгладимую печать, сделав его склонным к нарушению умственного и физического равновесия под влиянием малейшего удара, инстинктивно отступающим перед опасностью, способным теряться и легко приходящим в уныние. Воля впоследствии оказалась победительницей, и укрощенная натура стала повиноваться ей. Но в сущности Петр был именно таким. Он всю жизнь носил на себе эту уродливую печать, вьевшуюся в его тело, сжимавшую болезненной судорогой его гордое и суровое лицо, подчеркивая грозное выражение последнего. Возможно, что это было следствием попытки отравить его, но тот духовный яд, который стрельцы влили в сердце несчастного ребенка, кажется мне более вероятной причиной.

Он был напуган, как всякий другой ребенок был бы напуган на его месте; он наверное прижимался к матери, прятался за ней, и без сожаления покинул дворец, населенный ужасными кошмарами. Торжество Софьи обрекло его на одиночество и поставило если не вне закона, то вне общих правил, и это послужило к его благу. Изгнание для десятилетнего царя, – ребенка чрезвычайно подвижного и любознательного, было простором и чистым воздухом, которые вернули здоровье его телу и уму. Изгнание это – было свободой.

И он воспользовался ей. Он приезжал в Кремль только в самых торжественных случаях и садился на двойной престол, заказанный нарочно в Голландии и хранящийся теперь в Московской Оружейной палате. Все остальное время он проводил в Преображенском, избавленный от скучных обязанностей этикета и власти. Со стороны матери он принадлежал к среде сравнительно независимой. Въезжая в Кремль, Наталья Нарышкина привела всех в негодование своими полушотландскими манерами: она осмелилась поднять угол занавесок своей кареты.

Происхождение связывало Петра с европейски-культурным обществом, но судьба оставила в стороне от греко-латинской и польской школы, влияние которой до сих пор преобладает в России. Представители этой школы, с Матвеевым во главе, принадлежали к партии Софьи. Воспитатель Петра, Зотов, принужден был бежать и не был никем заменен. Предоставленный самому себе, ребенок выбирает себе других руководителей по своему вкусу, проявляя инстинктивную склонность к иностранцам. Он узнает от них многое, но вряд ли что-нибудь, касающееся военного ремесла. Петр никогда не был великим полководцем: для этого он был слишком буржуазно-практичен. Он действительно опустошал Оружейную палату; но этот московский арсенал 17-го века только по имени был военным; он скорее походил на восточный базар. Петр посылал туда за часами, забавляясь разбиранием их механизма, но брал оттуда и садовые инструменты.

Преувеличивали и его детскую любознательность. Представим себе любого ребенка, способного и любознательного, избавленного от обычной процедуры систематического обучения, свободного в удовлетворении всех потребностей ума и воображения: его жажда знаний непременно обратится к тысяче разнообразных предметов. Петр был «автодидактом» – самоучкой, как назвал его в своем письме к Лейбницу один из дипломатов, состоявший впоследствии на его службе.

Но из этого вовсе не следует, что он был развит не по летам. Из сохранившихся тетрадей видно, что он в шестнадцать лет писал очень неумело и изучал только два первых правила арифметики. Его преподаватель, Франц Тиммерман, сам с трудом производил умножение четырехзначных чисел. Правда, на этих уроках арифметические задачи чередовались с теоремами начертательной геометрии.

Нам, привыкшим к приемам систематичной и последовательной школьной тренировки, странно видеть перевернутый таким образом порядок умственного развития; хотя может быть этот порядок и не основателен.

Своей склонностью к наукам, редко захватывающей юные умы, Петр обязан случаю. В 1686 году его внимание случайно привлёк рассказ о каком-то удивительном инструменте, привезенном из-за границы князем Яковом Долгоруким. Этим инструментом можно было измерять расстояние, не сдвигаясь с места! Ничего подобного не было в Оружейной палате. И Петр потребовал, чтобы ему принесли астролябию. Но Долгорукий вернулся с пустыми руками: чудесный инструмент был украден. К счастью, князь скоро собирался опять в страну чудес: Софья и Голицын посылали его ко двору Людовика XIV с поручением просить помощи против турецкого султана. Христианнейший король оказал послу прием, которого можно было ожидать, но астролябия была все-таки куплена. Когда она очутилась в руках Петра, он был в большом недоумении, и никто не умел научить его пользоваться ею. Кто-то рассказал ему про Тиммермана, и голландец, строивший дома в Немецкой Слободе, был сделан преподавателем математики в Преображенском.

Но у Петра не было ни времени, ни желания, ни возможности делать успехи в этой науке с подобным преподавателем. Астролябия была просто проявлением детского любопытства, бросающегося с жадностью на все новое. Но род этого любопытства с одной стороны указывает на особенности характера, на склонность к серьезным знаниям, а с другой стороны – на среду, которая влияла на юного царя. Судьбе было угодно, чтобы предметы, которые главным образом привлекали его внимание, оказались и самыми полезными для него.

Неверно было бы предполагать, что в 10 или даже в 16 лет юный царь и будущий реформатор понимал, насколько будет полезно России иметь царя, владеющего 14-ю ремеслами. (Священное число!) Да Петр вовсе и не изучил их: он занимался некоторыми из них, например, токарным и зубоучастным, без всякой пользы для кого бы то ни было. Как бы ни был велик размах его ума, разбрасываясь таким образом, он сделался поверхностным. Впоследствии, обратившись к серьезным знаниям, он убедился, что пример его лучше всяких увещаний послужит его подданным, этому ленивому, невежественному и неловкому народу. И тогда

он уже из принципа, хотя и следуя своей природной склонности, начал неутомимо работать, собирая всякие сведения и изыскивая всякие способы применения своих десяти пальцев. Те же самые побудительные причины толкнули его на единственный путь, где он мог сделаться если и не мастером, то хорошим работником, где он нашел неиссякаемый источник наслаждений, если не положительной пользы для себя и своей родины.

Кто не знает изукрашенной вымыслами истории о старом английском боте, найденном среди хлама, принадлежавшего деду молодого героя, Никите Ивановичу Романову? Изобретательное предание говорит, что Петр ребенком имел такое отвращение к воде, что дрожал при виде малейшего ручейка. Это, может быть, не более как символическое выражение той трудности, с которой обитатель суши, далекий от берегов какого бы то ни было моря, вступает в общение с далекой, неизвестной, почти недостижимой для него стихией. Петр дал России флот прежде, чем дал ей море. Весь характер его великой деятельности, с его стремительностью и парадоксальностью, сказывается в этом. Старая шлюпка, найденная в Измайлове, побеждает будто бы его отвращение к воде и делает настоящим моряком.

Каким образом этот бот очутился в Измайлове, вдали от всякой воды? Когда впоследствии Петр устроил на Переяславском озере верфь, он и тут шел по следам, проложенным до него. Он создал эту странную вещь, морской флот, без моря, но не он выдумал ее. Из того, что он исполнил, он вообще ничего не выдумал сам. Все эти попытки уже делались до него: при Алексее Михайловиче, в Дединове, на берегу Оки, была построена яхта «Орел» иностранными мастерами, приглашенными специально для этого. Струис говорит об этом в своих путешествиях.

Итак, идея уже до Петра носилась в воздухе, еще неясная, но направленная к видимой цели.

Как и астробия, измайловская лодка показалась Петру предметом загадочным. Крестьяне рассказывали, что бот ходил когда-то против ветра. Новое чудо! Его немедленно спустили на воду в одном из соседних прудов. Но как заставить его идти? Тиммерман ничего не понимал в этом деле. К счастью, мастера, работавшие в Дединове, не все исчезли. И вот у Петра оказалось два новых учителя: Карштен-Бранд и Корт, плотники. Они посоветовали перевезти бот на Переяславское озеро, где было больше простора. Петр последовал их совету и с жаром принялся учиться у них.

Но много времени уходило у него и на пустяки. Приобретая кое-какие полезные сведения, он вырабатывал в себе привычки, однако, нередко очень печальные. Но все же он запасался здоровьем и силой, вырабатывал себе стальные мускулы и стойкий темперамент. Его ум был удивительно гибок и предприимчив.

Он приобретал и друзей, выбранных наудачу среди многочисленной прислуги, например, конюших, скакавших вместе с ним на неоседланных лошадях. Он играл с ними в солдаты и, конечно, командовал ими. Таким образом создалось потешное войско, и другое огромное дело родилось из этой забавы – русская армия.

Псевдоморская забава на Переяславском озере и псевдвоенная на полях Преображенского привели к двум великим результатам: завоеванию Балтийского моря и Полтавской победе.

Но для того чтобы осуществить их, для того чтобы заполнить эти два расстояния от исходных точек до их завершения, нужно было многое. Не только нужен был переход от детского возраста к зрелому, как бы исключительно одарен ни был человек; не только необходимо развитие, в границах возможного, человеческого гения; понадобилась помощь огромных сил, присоединившихся к его усилию, подготовленных заранее, но неподвижных в ожидании благоприятной минуты и появления человека, способного применить их. Но пробил желанный час и явился желанный человек, который сумел воспользоваться ими, направить их и возбудить.

Человек сам был продуктом этих скрытых сил, поэтому встреча их и была плодотворна. Он вышел из них и вырос вместе с ними и благодаря им.

Не только армия и флот, целое новое общество создавалось в этих бурных забавах пылкого юноши. Вся старая аристократия, вся обветшавшая иерархия Москвы скоро рушились под ногами его дерзких товарищей, выскочивших из кухонь и конюшен и превращенных им в князей и графов, министров и маршалов. Но и в этом он только следовал порвавшейся нити национальных традиций: он не выдумал этого сам, он только подражал своим предкам домонгольской эпохи; он делается, подобно русским князьям, начальником дружины, работает наравне с ними, пьет с ними по окончании работы и не хочет переходить в магометанство, потому что «Руси есть веселие пити».

Петр навсегда остался хорошим товарищем и веселым собутыльником; он навсегда сохранил на себе отпечаток, вынесенный им из общения с людьми низших классов; он передал этот отпечаток и своему делу и русской жизни, измененной им на свой лад.

Народный быт эпохи, предшествовавшей Петру, находил себе ревностных поклонников. Но в таком случае похвала должна будет простираться и на интимную жизнь Петра, а это рискованно. Дурные привычки, грубые манеры, пороки и циничный кабацкий дух, – все, что в нем было отталкивающего, Петр впитал в себя с улицы, из ежедневной жизни своей дореформенной родины. Но, к сожалению, он сохранил свою привязанность к этим привычкам и хотел видеть то же и у своего народа.

V

Царица Наталья, по-видимому, поздно спохватилась о том, какой вред могло принести сыну подобное общество. У нее было свое, которое поглощало ее всецело и вряд ли было лучше подобрано. Происхождение потешных полков вероятнее всего относится к 1682 году, а это является вполне достаточным аргументом против того серьезного характера, который пытаются им придать. Петру было тогда всего 10 лет.

Но через 5 лет игры молодого царя начали принимать такие размеры, которые привлекали на них всеобщее внимание.

На берегу Яузы, в Преображенском, была построена крепость, в которой стреляли из пушек. В следующем году был открыт английский бот, и, разрываясь между водой и огнем, Петр ускользал от всякого надзора матери. Говорят, он не раз подвергал свою жизнь опасности, так как всевозможные несчастливые случайности были не редкостью. Чтобы положить этому конец, Наталья прибегла к средству, которое она считала самым действительным. «Женится – переменится», говорит русская пословица. И царица стала подыскивать сыну невесту. В противоположность своему будущему сопернику, суровому Карлу XII, Петр не чувствовал к прекрасному полу ни равнодушия, ни презрения. 27 января 1689 года он вел к алтарю Евдокию Лопухину, дочь одного знатного боярина. Но Петр не оправдал пословицы. Через три месяца молодые расстались: он вернулся к Переяславскому озеру, а она приучалась к вдовству, которое продолжалось всю ее жизнь.

Катанье по воде сделалось любимым делом молодого царя, его ревнивой исключительной страстью. Темный пережиток, наследие древних варягов шевелилось в его душе. Он никогда не видел моря и целые дни мечтал о нем. Обратимся к истории: уже два века тому назад предпринимались войны, целью которых было завладеть морем – отнять его у Швеции или Турции.

Не расставаясь со своими «конюхами», Петр углублялся в стратегические соображения и строил планы, в которых играли роль сухопутные и морские силы. Эти силы выросли вместе с юношей, который тем временем стал великаном. Игрушка понемногу превращалась в оружие. В сентябре 1688 года Петр потребовал для своей военной забавы все барабаны и трубы лучшего стрелецкого полка. В ноябре, к великому неудовольствию князя Василия Голицына,

он отнял у другого полка две трети его наличного состава и взял из складов Конюшенного приказа упряжь для своей потешной артиллерии. В Преображенском появляется настоящее рекрутское присутствие, куда приходят записываться уже не одни конюхи и поварята. Среди рекрутов 1688 года записаны два представителя самых знатных московских фамилий: Бутурлин и Голицын.

Присутствие этих двух аристократов является впрочем абсурдом, одной из тех неожиданных ироний, которыми богата история. Бессознательный еще работник большого политического и общественного обновления, Петр, думая только о своем удовольствии, сделался орудием партии, преследовавшей совершенно иные цели. Его труд конфисковался в пользу диаметрально противоположных тенденций. Среди этих новых пришельцев, которые вскоре заставили молодого царя требовать возвращения отнятых у них прав, оказались впоследствии самые горячие противники реформ.

Средства, которыми пользовались Милославские и Софья для захвата власти (уничтожение местничества и призыв к народному восстанию), сблизили их интересы с интересами низших классов. Задетая в своих прерогативах, в своих вековых привычках, высшая аристократия, – по крайней мере наиболее ретроградная часть ее, – стремилась сгруппироваться сначала вокруг Матвеева и Натальи, потом вокруг Петра. И оружие, которым играл Петр, являлось в мыслях тех, кто помогал ему отточить его, оружием мести за попрание консервативных антиевропейских идей, против наиболее культурного человека, которого когда-либо видела Москва.

«Долой Василия Голицына!» было их военным кличем.

Преображенское стало служить местом сборища недовольных всякого рода, среди которых реакционеры, как самые знатные, занимали первое место. Обиженный сам тем временным правительством, конца которого они с нетерпением ожидали, Петр является их естественным предводителем и будущим отмстителем общих обид. Вот на что надеялись люди старого порядка.

Но Петр и не думал об этом; он продолжал играть на озере своими парусными лодками.

Между тихим Кремлем и шумным лагерем Преображенского завязывается битва, но юношеский ум Петра еще не мог понять того, что будет результатом победы. Пройдет еще несколько лет, прежде чем он найдет свой настоящий путь; пока еще он же не ищет его сам и идет туда, куда ведут его эти случайные наставники. В назначенный ими день он возьмет приступом власть и предоставит им наслаждаться плодами победы.

Он входит в историю как бы пятясь задом, повернувшись спиной к своей судьбе и своей славе.

Переворот произошел в июле 1689 года.

Глава 3

Троицкий монастырь

I

В 1689 году Петр был еще несовершеннолетним, и регентство Софьи могло продолжаться на законном основании еще несколько лет. Петру шел восемнадцатый год, а политическая зрелость русских царей наступала не раньше, чем в остальных государствах, не раньше, чем во Франции при Карле V. Нетерпение и честолюбие союзников Петра ускорили события. Но Петр еще надолго остался безучастным. Правление Софьи, открывающее собой «царство женщин», продолжавшееся около века, не кажется мне заслуживающим той критики и тех похвал, которые о нем написаны. Ни Вольтер, сравнивающий ее с Лукрецией Борджиа, ни Карамзин, провозглашающий ее одной из величайших женщин мира, неправы.

Миллер в своей критике взглядов Вольтера, Болтин, один из старых русских историков, в своих «Заметках к истории Леклерка», Эмин, Аристов пробовали согласовать эти противоречивые крайности.

Я думаю, что ее правление носило византийский характер. В нем есть все: дворцовые интриги, борьба партий, бунт стрельцов, религиозные споры о том, как складывать пальцы, когда креститься, сколько раз повторять слово аллилуйя, не следовало ли бы святой Троице состоять из четырех лиц с отдельным престолом для Спасителя, и т. д. Но ко всему этому примешивались элементы, приподнимавшие уровень жизни. Экономические нововведения, начатые при Алексее, продолжались и при Софье; начиналось интеллектуальное развитие общества.

Голицын строил дома, а Софья писала пьесы для театра, которые ставились в Кремле. Говорят, будто она сама принимала в них участие. Политика регентства отличалась энергией и ловкостью. Оно смело боролось с раскольниками и бунтовщиками, которые, как и стрельцы, шли во дворец, чтобы говорить с патриархом. Никита, глава раскольников, был казнен. Правительство Софьи энергично стояло за охрану порядка, и стрельцы, желавшие его нарушить, нашли в Софье, своей бывшей союзнице, неустрашимого врага. Она призывала народ против взбунтовавшихся войск и, почувствовав себя небезопасной в Кремле, искала защиты в Троицке-Сергиевом монастыре, куда прибыла с Голицыным в 1682 году.

Троицкий монастырь – это традиционное убежище царской семьи во время опасности, – сохранял в то время характер больших русских обителей: маленьких укрепленных городов с населением из монахов, послушников и прислужников, которых насчитывались тысячи. Тут были многочисленные церкви и мастерские различного рода. Там же нашел себе приют и Борис Годунов. До настоящего времени в Троице с гордостью показывают следы польских пуль, бессильных против стен святого города. В свое время Петр тоже придет туда просить помощи и покровительства. Призыв временного правительства был услышан, и армия стала на его сторону. Вовлеченный в ловушку в Воздвиженском, на полдороге из Москвы в Троицу, Хованский, враждебный теперь вождь стрельцов, сложил там свою голову. Сына его постигла та же участь, и восстание должно было положить оружие. Во внешней политике, по крайней мере на дипломатическом поприще, Голицын явился представителем традиционной политики территориального расширения, которая отодвинула на юг и на запад границы Московского царства.

Ловко пользуясь затруднительным положением, в которое продолжительная война с Турцией поставила поляков, несмотря на победы Собесского, он отнял у них Киев. В июне 1685 года новый митрополит, водворившийся в древней столице, согласился принять свой сан от московского патриарха: это был решительный шаг по дороге, которая должна была привести к возвращению малорусских земель и разделу республики. Эти успехи, к несчастью, встретили противодействие со стороны регентства. Подавляя сторонников беспорядка и анархии, Софья и Голицын восстали против зачинщиков. Между разочарованием, которое они вызвали с одной стороны и озлоблением с другой, их политика ничего не достигала. Недовольные бояре, казалось, подняли головы; на Лубянке, людной площади столицы, собралась толпа. Было поднято подметное письмо, в котором предлагалось народу бежать толпой в Казанский собор, где за иконой Божьей Матери было спрятано другое письмо, которое скажет, что надо делать. В бумаге нашли тетрадь с непристойными словами про Софью и воззвание к народу, требовавшее ее смерти. Это была провокация, автором которой был Шакловитый, новый советник, выбранный Софьей, представитель старой Москвы, – чисто византийский тип, жестокий и коварный интриган. Царевна притворилась испуганной, и народ приветствовал ее радостными криками, предлагая избавить ее от врагов.

Но вот счастье изменяет ей. Обещав Польше, взамен Киева, содействие московских войск против турок, регент два раза ходил в Крым. Это тоже была традиционная дорога. Между Москвой и Константинополем крымские татары были барьером, преодолеть который Россия

не могла целый век. Но Голицын не имел настоящих качеств воина; при каждой кампании он оставлял в степи армию, массу снарядов и остаток своей репутации. Когда он отправлялся во второй поход, он нашел перед дверью своего дворца гроб с угрожающей надписью: «Старайся быть счастливее». Когда он опять появился в Москве в июне 1689 года, его встретили ропотом, свистками и угрозами смерти, публично обвиняя в том, что он был подкуплен. Кто-то видел, как в его палатку ввозили бочки, наполненные французскими луидорами. Лагерь Преображенского увеличивался с каждым днем под наплывом новых рекрутов, и Софья видела, что ряды ее приверженцев пустеют. Она храбро шла навстречу грозе. Ее честолюбие, как и любовь, достигли в это время апогея. Она воспользовалась заключением мира с Польшей, чтобы объявить себя Самодержицей, наравне с братьями. Этот титул фигурировал во всех официальных документах, и в публичных церемониях Софья занимала место рядом со своими братьями, или вернее, рядом со старшим братом, так как Петр на этих церемониях не появлялся. Она заказала в Голландии свой портрет с шапкой Мономаха на голове. В то же время (если верить показаниям свидетелей), она хоть и заменила отсутствовавшего Голицына Шакловитым, однако все-таки горячо преследовала конечную цель своей первой мечты: замужество с регентом и занятие трона вместе с ним. Чтобы достигнуть этого, она разрабатывала очень сложный план, в котором сам папа был призван играть роль. Должны были женить Ивана и дать любовника его жене, чтобы у нее были дети. Петр был бы таким образом устранен. Потом посредством хотя бы только проектированного соединения православной церкви с Римом, папе предложили бы объявить незаконность детей Ивана, и тогда Софье и Голицыну оставалось бы только взять освободившееся таким образом место. Пока же царевна хотела брать храбрость.

В то время как Шакловитый, после возвращения регента занявший второстепенную роль сыщика и полицейского, преследовал редких сторонников Петра, осмелившихся снять маски, и истреблял их в отдаленном уголке леса в окрестностях Москвы, Софья завоевывала симпатии, назначив раздачу наград соратникам Голицына, которого она упорно называла «победителем».

Она писала ему:

«Свет мой, братец Васенька! Здравствуй, батюшка мой, на многия лета! И паки здравствуй, Божией и пресвятой Богородицы милостию и твоим разумом и счастьем победив Агарян! Подай тебе Господи и впредь врагов побеждать! А мне, свет мой, не верится, что ты к нам возвратишься; тогда поверю, как увижу в объятиях своих тебя, света моего. Что же, свет мой, пишешь, чтобы я помолилась: будто я верно грешна пред Богом и недостойна; однакож, хотя и грешная, дерзаю надеяться на Его благоутробие. Ей! всегда прошу, чтобы света моего в радости видеть. Посем здравствуй, свет мой, на веки несчетные!»

По доброму совету окружающих, Петр на этот раз отказал в своей санкции. Софья обошлась без него: это был открытый конфликт. Осыпанные почестями и наградами начальники отправились в Преображенское благодарить царя; он отказался их принять: это уже был разрыв.

II

Наступила историческая ночь с 7 на 8 августа 1689 года, светлая летняя ночь, которую затемнили к несчастью противоречия истории и предания. Петр был внезапно разбужен перебежчиками из Кремля, которые предупредили его, что царевна собрала вооруженное войско, чтобы напасть и убить его в Преображенском. Существование этого покушения ничем не доказано, оно даже, пожалуй, невероятно. Из документов, собранных одним из наиболее осведомленных русских историков, Устряловым, кажется очевидным, что Софья не думала и не могла даже думать в это время о нападении на Преображенский лагерь. Она знала, что он хорошо охраняется, держится на военном положении, наготове ко всяким неожиданностям. Она боя-

лась, или вернее делала вид, что боялась наступления Потешных полков, очень преданных, очень пылких, горящих желанием отличиться в смелой схватке. У нее была привычка делать вид, что она боится, чтобы возбудить в стрельцах и в населении Москвы желание защищать ее. Она так мало была подготовлена к действию, что до утра не знала о последствиях того, что брат был предупрежден. С давних пор Преображенское и Кремль был настороже один против другого, наблюдая один за другим, подозревая и обвиняя друг друга в воображаемых покушениях. За месяц перед тем, когда Софья приехала к Петру в лагерь по случаю водоосвящения в Яузе, ее сопровождали триста стрельцов; через несколько дней, когда Петр приехал в Кремль поздравить с праздником свою тетку, Анну Михайловну, Шакловитый поставил на Красном крыльце для наблюдений пятьдесят верных солдат.

В эту роковую ночь вооруженное войско было собрано в Кремле. С какой целью? – «Чтобы сопровождать царевну утром на богомолье», объясняла потом Софья. В рядах нескольких сот солдат, самых преданных царевне, нашлось человек 5, которые произносили угрозы против Петра и его матери. Два другие, имена которых передались потомкам, Мельнов и Ладогин, воспользовались случаем, чтобы перебежать в Преображенский лагерь и поднять тревогу. Некоторые историки угадали в них подстрекателей, которые послушались приказания партии, побуждавшей Петра к действию. Это вполне возможно. Перейдем к неоспоримому результату.

Петр бежит. Не думая проверять опасность, которая ему угрожает, он соскакивает с постели, бежит прямо в конюшню, не одетый, вскакивает на лошадь и прячется в соседнем лесу. Несколько конюхов догоняют его, приносят ему одежду, за ними следуют несколько начальников и солдат. Как только он увидел себя окруженным достаточным эскортом, не дав знать матери, жене и другим своим друзьям, он поскакал по направлению к Троице. Он приехал туда в шесть часов утра с разбитым телом и истомленной душой. Ему предлагали лечь, но он не способен был отдыхать. Он залился слезами и, не переставая, спрашивал архимандрита Викентия, может ли он рассчитывать на его покровительство. Этот монах с давних пор был его преданным приверженцем, и даже в критические моменты, которые ему приходилось переживать из-за бережливости Софьи. Его ласковые и твердые слова успокоили молодого царя. Борис Голицын, двоюродный брат регента, Бутурлин и другие начальники Преображенского лагеря, присоединившись к беглецам в Троице, объявили, что ими были заранее приняты меры к борьбе, которая теперь началась; но Петр был неспособен взять на себя инициативу управления; он положился в этом на своих друзей и думал главным образом о своем Переяславском озере и о лодках, которые он спустит туда, спрашивая себя, когда будет в состоянии строить их вволю. Он оставлял своих врагов еще господами положения, созданного ими же.

Царицы Наталья и Евдокия, потешные и стрельцы Сухаревского полка, склонившиеся давно на сторону младшего царевича, прибывали один за другим в Троицкий монастырь. Очевидно все они заранее были подготовлены к этому. Как будто все исполнялось и комбинировалось по заранее обдуманному плану, и даже внезапное бегство царя кажется как бы предвиденным обстоятельством (а следовательно, может быть и подготовленным), сигналом, который должен показать открытие враждебных действий между обоими лагерями. О предмете борьбы никто не говорил; всякий знал, за что сражается.

III

Сначала велись переговоры между Петром и Софьей. Петр спрашивал о причине ночных вооружений Кремля, и царевна дала ему двусмысленный ответ. И с той и с другой стороны старались выиграть время. В этой борьбе не принимала участия ни армия местная, ни иностранная, ни большая часть стрельцов и полков Гордона и Лефорты. Кто же привлечет их на свою сторону? 16-го августа Петр выступил первый: царская грамота призывала на следующий день отряды из всех этих войск, по десяти человек от полка. В ответ на это, эмиссары

Софья перехватила царских послов; в то же время другая грамота, подписанная правительницей, запрещала начальникам и солдатам покидать их слободы под страхом смерти. Сначала казалось, что мера подействовала: призываемые отряды не отвечали на призыв; прошел слух, что грамота Петра была подложная. Но между тем, медленно, незаметно слободы пустели, и в то же время прилив солдат и офицеров всех родов оружия увеличивался в Троице. Даже у самых преданных царевне замечались признаки упадка духа. Василий Голицын первый подал пример. Думают, что он хотел пробраться в Польшу, чтобы вернуться с войском поляков, татар и казаков и предупредить таким образом события, но что Софья его отговорила от этого проекта, который разлучил бы ее с любовником. Тогда он покинул ее на произвол судьбы и сам удалился в свое имение Медведково в трех верстах от Москвы, не желая ни во что вмешиваться. Иностранным офицерам, которые приходили за приказами, он давал уклончивые ответы. Это было признаком неминуемого поражения. Но правительница не уступала еще поля сражения брату. Она знала, чего ей ждать от него. Уже восставшие раскольники кричали ей, наводняя Кремль: «Пора в монастырь!» Но это казалось ей хуже смерти, и она торопилась отправить в Троицу мирных послов, даже самого патриарха. Почтенный парламентар воспользовался случаем перейти на сторону царя и появился рядом с ним на торжественном приеме дезертировавших офицеров и солдат, число которых увеличивалось с каждым днем. Софья решилась на последний шаг и отправилась в Троицу сама. На полдороге, в селе Воздвиженском, где семь лет тому назад упала голова Хованского, ее остановил Бутурлин, запрещая идти дальше. У вооруженной армии, следовавшей за боярином, ружья были наготове. Софья отступила, но еще держалась, расточая ласки стрельцам, большую часть которых удерживало прошлое сообщничество, боязнь наказания и соблазн новых наград, и которые оставались верны ей. Они клялись умереть за нее, но, всегда легко возбуждаемые, не дисциплинированные, 6-го сентября появились перед Кремлем, требуя выдачи Шакловитого, доверенного, правую руку и заместителя любовника царевны. Они хотели сделать его козлом отпущения, искупительной жертвой, казнь которой утолит гнев царя и водворит общее согласие. После упорного сопротивления Софья уступила – и сознала, что ей больше не на кого и не на что рассчитывать. Шакловитый в руках Петра оказался страшным оружием. Допрошенный под кнутом, он дал желательные показания, которые нужны были сторонникам Петра против Софьи и ее приверженцев. Отголосок его показаний заставил самого Василия Голицына покинуть свое убежище и привел его в Троицу, покорного и раскаявшегося. Это конец. Петр отказался видеть его; но благодаря заступничеству Бориса он согласился не быть слишком строгим. Бывшего регента сослали в Каргополь, по дороге в Архангельск, потом в Яренск, дальше на восток, в глухую деревню, где, после конфискации имущества, он получал 1 рубль в день на жизнь с семьей, состоявшей из пяти человек. Там он протянул до 1715 года. Но полуснисхождение царя остановилось только на нем. Шакловитый же и его сообщники, настоящие и предполагаемые, были осуждены на смерть. Медведев, заключенный сначала в монастырь и испытавший жесточайшие пытки, кончил тем же.

Софья, как она и предполагала, была отправлена в монастырь с некоторыми мерами предосторожности, которая увеличивали строгость наказания. Петр установил отношения со своим братом. Он написал ему следующее письмо:

«Братец, государь царь Иоанн Алексеевич, с невестушкою, а с своею супругою, и с рождением своим в милости Божией, здравствуйте! Известно тебе, государю, чиню, купно же и соизволения твоего прошу о сем: что милостию Божиею вручен нам, двум особам, скипетр правления прародительского нашего Российского царствия, якоже о сем свидетельствует матери наши восточные церкви соборное действо 190 году: также и братием нашим окрестным государем о государствовании нашем известно; а о третьей особе, чтоб быть с нами в равенственном правлении, отнюдь не вспоминалось. А как сестра наша царевна Софья Алексеевна государством нашим учала владеть своею волею, и в том владении что явилось особам нашим

противное, и на роду тягость и наше терпение о том тебе, государь, известно. А ныне злодеи наши Федька Шакловитый с товарищи, не удоволься милостию нашею, преступя обещание свое, умышляли с иными ворами о убийстве над нашим и матери нашей здоровьем, и в том по розыску и с пытки винулись. А теперь, государь братец, настает время нашим обоим особам Богом врученное нам царствие править самим, понеже пришли есьми в меру возраста своего, а третьему зазорному лицу, сестре нашей (ц. С. А.) с нашими двумя мужескими особами в титлах и в росправе дел быти не изволяем; на то б и твоя б, государя моего брата, воля склонилася, потому, что учала она в дела вступать и в титлах писаться собою без нашего изволения; к тому же еще и царским венцом, для конечной нашей обиды, хотела венчаться. Срамно, государь, при нашем совершенном возрасте, тому зазорному лицу государством владеть мимо нас? Тебе же, государю брату, объявляю и прошу: поволь, государь, мне отеческим своим изволением, для лучшие пользы нашей и для народного успокоения, не обсылаясь к тебе, государь, учинить по приказам правдивых судей, а неприличных переменить, чтоб тем государство наше успокоить и обрадовать вскоре. И как, государь братец, случимся вместе и тогда поставим все на мере, а я тебя, государя брата, яко отца, почитать готов. А о ином к тебе, государю, приказано словесно донести верному нашему боярину, князю Петру Ивановичу Прозоровскому. И против сего моего писания и словесного приказу учинить мне отповедь. – Писавый в печалех брат ваш царь Петр здравия вашего желаю и челом бью».

Ивану Проскурову поручено было предложить царевне поскорее выбрать себе монастырь. После недолгого колебания она подчинилась и назначила недавно построенный Новодевичий монастырь около Москвы.

Но это было лишь временное правление. От Ивана, молча принимающего совершившиеся факты и выступающего только в парадных церемониях, и Петра, который по окончании кризиса возвратился к своим развлечениям и затем стусевался, власть попадала к настоящим героям момента. Большую часть ее получил сначала Борис Голицын, коренной москвич, живая противоположность своему двоюродному брату Василию; потом, когда скомпрометировавшая его помощь виновному родственнику возбудила гнев Нарышкиных, власть перешла к самим Нарышкиным и другим родственникам царицы-матери. Но для будущего великого человека еще не пробил час. Серьезная борьба, в которую его временно вовлекли, еще не заставила его выйти из юношеского возраста. Но эта борьба все-таки имела большое влияние на его судьбу, на развитие его характера и наклонностей. Молодой царь оставляет своих прежних товарищей, находит себе других, которые быстро занимают в его сердце место старых и которые призваны если не создать вместе с ним историю великого царствования, то по крайней мере указать ему дорогу и направить его шаги.

КНИГА ВТОРАЯ В ШКОЛЕ ЦИВИЛИЗОВАННОГО МИРА

Глава 1

В походе. Школа войны. Создание флота. Взятие Азова

I

О товарищах иностранного происхождения, которые появились теперь среди окружающих Петра, говорили различно, путая числа и факты так, что Патрика Гордона считали задолго до падения Софьи одним из доверенных и воспитателей молодого царя, а Лефорта главным организатором и творцом переворота 1689 г. В действительности и тот и другой познакомились с Петром только во время его пребывания в Троице и значительно позже стали его близкими друзьями. Гордон принадлежал к обществу Василия Голицына, Лефорт не имел никакого значения.

Родившись в 1635 году в семье мелких лордов, роялистов и католиков, Патрик Гордон прозябал уже 30 лет в России, занимая мелкие должности, которые ему совсем не нравились. Прежде чем приехать сюда, он служил уже императору, шведам против поляков и полякам против шведов *«He was dearly a genuine Dugald Dolgetty»*, говорят его английские биографы. Его познания сводились к воспоминаниям о сельской школе, которую он посещал на родине, около Эбердина; его военное прошлое – к командованию драгунским полком в Германии и Польше. Алексей в 1665 и Софья 1685 г. поручали ему дипломатические миссии; он ездил два раза в Англию с поручениями относительно привилегий английских купцов, с честью исполнил их, но получил только чарку водки, которую Петр, тогда четырнадцатилетний мальчик, поднес ему по возвращении из второго путешествия. Он счел себя обиженным, просил отставки, но, не получив ее, примкнул к недовольным. Между тем, он принимал участие в опустошительной крымской войне и получил чин генерала. От природы умный и деятельный, с хорошими связями на родине, он думал, что имеет право на более высокое положение. Лично известный королям Карлу и Иакову английским, двоюродный брат графа Гордона, бывшего губернатором Эдинбурга в 1686 г., он был признанным представителем роялистской шотландской колонии Слободы. Говоря по-русски и любя выпить, он пользовался определенной популярностью между самими москвичами. Своим живым умом, внешностью цивилизованного человека и энергичной наружностью он должен был привлечь внимание Петра. Петр всегда отдавал предпочтение людям с сильным темпераментом. Патрик Гордон страдал от болезни желудка, от которой и умер; но в 1697 г., на 64 году, он кончил свой дневник словами: «На этих днях я заметил в первый раз уменьшение здоровья и сил».

Франц Лефорт приехал в Москву в 1675 году с пятнадцатью иностранными офицерами искать счастья. Швейцарец по происхождению, он принадлежал к семье, которая во время реформации покинула город Кони, – где она называлась Лифорти, – чтобы поселиться в Женеве. Отец его был аптекарем, следовательно, принадлежал к высшему купечеству. Около 1649 г. женщины этого класса получили от реформаторской камеры право «носить платья из двойной тафты с цветочками». Восемнадцати лет Франц уехал в Голландию с 60 флоринами и рекомендательным письмом от принца Карла Курляндского к его брату Казимиру. Карл жил в Женеве, Казимир с корпусом войска служил в Голландии. Он сделал молодого человека своим секретарем, давая ему вместо жалованья свое старое платье, стоившее 300 червонных,

и деньги на карты. Вознаграждение было большое, но мало обеспеченное. Два года спустя Лефорт отправился в Архангельск. Первою его мыслью было уехать. Но в то время нельзя было уехать из России когда и как хотелось: за иностранцами строго следили, и отъезжающие считались шпионами. Лефорт оставался два года в Москве, думая, что умрет с голоду. Он старался попасть в свиту кого-либо из видных членов дипломатического корпуса, обивал пороги швейцарской датского посла и кухни английского. Но нигде он не мог пристроиться, мало-помалу однако приобрел друзей между жителями Слободы, влиятельных покровителей и даже хорошенькую покровительницу, вдову иностранного полковника, женщину очень богатую. В 1678 г. он окончательно решил основаться в России и начал с того, что женился. Это было необходимое условие. Надо было иметь семью и дом, чтобы рассеять недоверие. Он женился на Елизавете Сухей, дочери уроженца города Метца, католичке, с довольно хорошим приданным и великолепными связями. Два брата г-жи Сухей, два Бокховена, голландцы родом, имели важное положение в армии; Патрик Гордон был зятем одного из них. Лефорт таким образом избрал военную карьеру, к которой, впрочем, у него не было ни любви, ни призвания.

Конечно, не в школе этих двух иностранцев Петр Великий и его армия выучились тому, что им надо было узнать, чтобы достигнуть Полтавы. Как я уже рассказывал раньше, влияния того и другого на великое дело прогресса, реформ и цивилизации, с которыми связано имя сына Натальи Нарышкиной, было только очень косвенное. В то время, когда дело это лишь зарождалось, они один за другим сошли в могилу. В данный момент у Петра были другие заботы в голове, он брал у старого шотландца и молодого женева другие уроки, которые не имели ничего общего с наукой Вобана и Кольбера.

Лефорт был уже собственником большого, хорошо меблированного во французском вкусе дома на берегу Яузы, уже несколько лет служившего любимым местом собраний жителей Слободы. Даже в отсутствии хозяина было принято заходить туда, чтобы выпить и покурить.

Закон Алексея запрещал табак, но и в этом отношении, как во многих других, Слобода представляла исключение. Как организатор всяких развлечений, Лефорт не имел себе равных. Веселый, с постоянно работающим воображением и не знающими усталости чувствами, он в высшей степени обладал искусством всех сблизать. Банкеты, на которые он приглашал своих друзей, продолжались обыкновенно три дня и три ночи. Гордон чувствовал себя каждый раз после них больным, а на Лефорта они не оказывали никакого влияния. Во время первого путешествия Петра за границу он удивлял немцев и голландцев своей способностью пить. В 1699 году, выпив больше обыкновения, он выдумывает закончить празднество под открытым небом в феврале месяце! Это безумие ему стоит жизни; но когда пришел пастор с последним напутствием, он выпроводил его, спрашивая еще вина и музыкантов, и тихо умер под звуки оркестра. Это выдержанный тип широкой натуры – тип, теперь почти исчезнувший, но очень долго державшийся в России. Почти такого же высокого роста, как Петр, еще более мощный, Лефорт отличался во всех телесных упражнениях. Хороший наездник, чудесный стрелок даже из лука, неутомимый охотник, он был красив лицом и имел грациозные манеры. Образование он получил лишь элементарное, но владел всеми языками, говорил по-итальянски, по-голландски, по-английски, по-немецки и по-славянски. Лейбниц, который заискивал к нему во время его пребывания в Германии, говорит, что он пьет, как герой, но прибавляет, что он очень умен. Его дом не только служит местом свиданий веселой компании; там собирались также и дамы: шотландки с тонким профилем, немки с мечтательными глазами и полные голландки. Ни те, ни другие ничем не были похожи на московских затворниц, недоступных за железными прутьями окон или за фатой. Иностранки появлялись с открытыми лицами, двигались, разговаривали, смеялись, пели песни своих стран и танцевали с кавалерами. В более простых костюмах, лучше обрисовывавших фигуру, они казались более красивыми. Некоторые из них не отличались чересчур строгими нравами. Все это сначала привлекало и пленяло будущего преобразователя.

В течение семи лет регентства, несмотря на тенденции Софьи и Василия Голицына, история цивилизации России отмечает мало светлых дней. Правительство чувствовало себя плохо, находилось в положении неуверенном и беспокойном, боролось с первого до последнего дня за свое существование и заботилось только о самосохранении. Но после переворота 1689 г. и в продолжение семи следующих лет было еще хуже. Это была откровенно ретроградная реакция против прогресса. Петр здесь был ни при чем, но он ничему не мешал. Он не виновен ни в указе, изгонявшем иезуитов, ни в приговоре, благодаря которому мистик Кульман был сожжен живым на Красной площади; все это делалось по приказанию патриарха Иоакима, авторитет которого преобладал до марта 1690 года, года его смерти. В своем завещании этот духовный пастырь советует молодому царю не доверять командования армией еретикам и уничтожить протестантские церкви в Слободе.³ Но Петр не хотел слушаться его, он даже желал назначить ему более либерального преемника в лице псковского митрополита Маркела. Но он еще не был хозяином. Маркел не был утвержден по трем причинам: 1) потому, что он говорил на варварских языках (латинском и французском); 2) потому что у него борода не желаемых размеров; 3) потому что он сажал своего кучера на козлы повозки, вместо того чтобы сажать его на одну из упряжных лошадей. В июле 1690 года Гордон пишет одному из своих друзей в Лондоне: «Я еще при дворе, что причиняет мне много расходов и беспокойства. Мне обещают хорошую награду, но до сих пор я еще ничего не получил. Когда молодой царь возьмет управление в свои руки, я не сомневаюсь, что буду удовлетворен». Но молодой царь не торопится, его никогда не было там, где интересы управления требовали его присутствия. Где же он? Очень часто в Слободе в доме Лефорта. Он там обедал до двух или трех раз в неделю. Часто также, проводя целый день у своего нового друга, он оставался там до следующего дня. Мало-помалу он вводил туда и других своих товарищей. Вскоре все они там стали чувствовать себя как дома, и тогда кирпичный дворец заменил деревянный дом фаворита. Во дворце устроен был бальный зал на 500 человек, столовая, обтянутая кордовской кожей, спальня желтого дама «с кроватью вышиною в три локтя и великолепным красным гарнитуром», картинная галерея...

Вся эта роскошь была не только не для Лефорта, но даже не для Петра, который очень мало об этом заботился. Молодой царь вводил систему, которой он остался верен на всю жизнь. Позднее в Петербурге, живя в маленьком домике, он пожелал, чтобы у Меньшикова был еще более роскошный дворец, но он свалил на него и его жилище все приемы и дворцовые празднества. Дворец Лефорта сделался таким образом отделением недостаточно обширного помещения в Преображенском и в то же время чем-то вроде казино. Последние сады Слободы соприкасались с селом, где вырос Петр. В Слободе у Лефорта танцевали; в Преображенском устраивали фейерверки – новую страсть царя. Впоследствии он старался оправдать крайности, до которых доходил в этом развлечении, вдохновителем которого был Гордон, знакомый с пиротехникой. Он говорил, что хочет приучить русских к шуму и запаху пороха. После Полтавы эта забота стала излишней, но Петр с тем же рвением пускал ракеты и составлял эмблематические фигуры. Он всегда находил в этом огромное удовольствие. Это есть и будет его любимым спортом. Он не любил охоту. В 1690 году любимый загородный дом его предков в Сокольниках пришел в упадок. Петр любил шум, как и его внук, несчастный муж Екатерины II. Он во всем доходил до крайности. Но новый спорт, благодаря неустрашимости Петра, сделался опасным для него и для его товарищей. 26 февраля 1690 года Гордон извещал в своей газете о смерти одного вельможи, убитого пятифунтовой ракетой. Еще один несчастный случай произошел 27 января следующего года.

³ Еще же, да никак же они, государи, попустят кому христианом православным в своей державе с еретиками-иноверцами, с Латины, Лютеры, Кальвина, безбожными Татари (их же гнушается Господь и церковь Божия с богомерзкими прелестями их проклинает) общение в содружестве творити, но яко врагов Божиих тех удалятися... и молбищные бы по прелестям их соборищ еретических строити не давати места всеконечно, которые zde и близ или между христианских домов и те разорити годно и должно, яко дьявольския сонмища...

Фейерверки сменялись маневрами Потешных, которыми предводительствовал Гордон и которые также были сопряжены с серьезной опасностью. 2 июня 1690 года во время примерного сражения Петру обожгло гранатой лицо; некоторые офицеры около него получили серьезные раны. Некоторое время спустя Гордон сам был ранен в ногу. В октябре 1691 года Петр с обнаженной шпагой лично повел отряд; офицеры и солдаты, возбужденные этим зрелищем, бросились в рукопашный бой. Князь Иван Долгорукий был убит в суматохе.

Сами по себе суровость и жестокость этих военных игр вовсе не были чем-нибудь особенным; они вполне соответствовали нравам того времени. Карл XII, готовясь к карьере великого завоевателя, превосходит в этом отношении своего будущего противника. Особенная и очень характерная черта проявляется в потешных войнах Петра: комизм и юмор постоянно приписываются к ним. Крепость, выстроенная на берегу Яузы, сделалась потом маленьким укрепленным городом. Там находился постоянный гарнизон, судебная палата, приказы и митрополит, бывший наставник молодого царя, произведенный потом в папы или патриархи шутов. Там был даже король. Роль эту играл Ромодановский, принявший титул короля Пресбурга (имя, данное этому городу) и в качестве его ведущий войну с польским королем, которого изображал Бутурлин. В 1694 году польский король должен был защищать площадь, приведенную в оборонительное положение, от осаждающей армии, предводительствуемой Гордоном. При первой атаке, не ожидая результата, но предрешив его заранее, гарнизон и его начальник сдают оружие и бегут. Рассерженный Петр приказывает беглецам вернуться в крепость и защищаться там до последней крайности. Производится масса выстрелов, ранивших и даже убивающих людей. В конце концов «польский король» взят в плен и отведен со связанными за спиной руками в лагерь победителя.

Не надо забывать, что в это время Россия была в мире с Польшей и даже в союзе, и настоящий король этой дружеской нации, приветствуемый всей Европой, был Ян Собеский. В маневрах 1692 года принимал участие эскадрон карликов. В 1694 году церковные певчие под командой дворцового шута Тургенева сражались с военными писарями.

Петр забавлялся. Вечный праздник, какая-то оргия движений и шума, сопровождаемая некоторыми образовательными упражнениями, переходящими в ребячество и распущенность, – вот все, что мы видим из жизни будущего героя в этот переходный период, продолжавшийся около шести лет. Он то учился бросать бомбы и взбираться на верхушки мачт, то пел в церкви глубоким низким голосом, а потом, после богослужения, пировал в веселой компании до следующего дня.

Шведский посол фон Кохен рассказывает о яхте, построенной до последнего винта самим учеником Карштен-Бранта, а другой иностранец говорит о записке, в которой царь приглашается к нему в гости, предупреждая, что он будет пить всю ночь. В списке вещей, которые царь требовал из Москвы в Преображенское, находятся mortarы, инженерные инструменты, артиллерийские снаряды и клетки для попугаев. В крепости Пресбурга гениальные офицеры, пиротехники и знающие все ремесла мастера находились рядом с дураками, придворными шутами, которые в виде развлечения убивали солдат и оставались безнаказанными. Полки уже давно утратили, или должны были утратить, шуточный характер. В 1690 году гвардейский Преображенский полк превращен был в настоящий полк под командой курляндца Георгия фон Менгдена. Вслед за ним и Семеновский полк – оба с наличным составом на целую треть из французских протестантов. Но следующая азовская кампания показала молодому царю, чего стоило это с виду храброе войско и что значит относиться несерьезно к серьезным вещам.

На Переяславльском озере Петр очень старался построить флотилию, но не работал усидчиво. Местность кругом так красива; холмистая лесная дорога ведет туда из Москвы. Светловодная Вика, вытекающая из восточного конца озера, пересекает соседнее Сомино озеро и впадает в Волгу. На западе город Переяславль-Залесский блестит золотыми куполами своих 24 церквей, сгруппированных вокруг большого Преображенского собора. Петр выстроил себе там

деревянный одноэтажный дом. Помещавшийся над входной дверью двуглавый орел с деревянной позолоченной короной составлял все украшение этого скромного жилища. Но там умели весело проводить время. Верфь находилась в нескольких шагах, но сомнительно, чтобы Петр работал там во время частых своих пребываний зимою на берегах своего «маленького моря». В феврале 1692 года его еле-еле удалось уговорить приехать оттуда, чтобы дать аудиенцию посланнику персидского шаха. Благодаря тому, что это было укромное место, защищенное от материнского надзора и любопытных глаз посторонних, Петр чувствовал себя там гораздо лучше, чем в Москве. Много приглашенных из Москвы часто бывало там. Их повозки встречали по дороге целые караваны, везшие бочки вина, пива, меда или водки. Приезжали также и дамы. Весною, когда на озере начиналась навигация, возобновлялись работы и упражнения, но все еще несерьезные. За год до азовской кампании Петр еще не знал, где он использует свой военный флот, на каком море и против какого врага; но он уже знал, что Лефорт, не бывший никогда моряком, будет его адмиралом, что корабль, на котором он воздвигнет свой флаг, будет называться «Слон», что на этом корабле будет много позолоты, отличные голландские матросы и капитан в лице самого Петра.

Последнее путешествие молодого царя в Переяславль было в мае 1693 года. Он увидит опять свое озеро и свою верфь только через 30 лет, в 1722 году по дороге в Персию. Речная флотилия, которая доставила ему так много горя и радости и которая никогда ни на что не пригодилась, была тогда в совершенном упадке, с гнилыми снастями и деревом, негодным к употреблению. Он рассердился: это ведь реликвии! Он отдал строгие приказания о сохранении их, но это было напрасно. В 1803 году на месте осталась только одна лодка, защищенная сараем, которая тоже разрушилась. Никакого следа не осталось от домика, где прежде жил Петр. Все исчезло, даже березы, под тенью которых отдыхал ученик-плотник от своих трудов.

В 1693 году, как прежде на Преображенских прудах, он почувствовал, что ему тесно на Переяславльском озере; он добился позволения долго не соглашавшейся матери и отправился в Архангельск. Наконец он увидит настоящее море! Ему пришлось пообещать не пускаться в море и только с берега смотреть на корабли. Но, конечно, он быстро забыл свои обещания и рисковал утонуть, пускаясь в море на плохой яхте навстречу купленному в Амстердаме кораблю. Это военный корабль, но на нем были, кроме пушек, прекрасная мебель, французские вина, обезьяны и болонки. Входя на корабль, Петр был в восторге:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.